1066 2 А Коми
ЦТ
450665

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

по дѣлу о распространеніи книгъ преступнаго содержанія среди рабочихъ Московской, Владимірской, Тульской и Кіевской губерній.

28 марта 1875 года, въ Московское Губернское Жандармское Управленіе явился рабочій ткацкой фабрики купца Шибаева въ г. Москвѣ, крестьянинъ Яковъ Яковлевъ и представляя двѣ книги преступнаго содержанія: «Емелька Пугачевъ» и «Исторія французскаго крестьянина», заявилъ, что 25 и 27 марта, онъ получилъ эти книги отъ крестьянъ *Ивана Васильева Баринова* и Василія Григорьева, по прозванію Вѣтрова.

Допрошенный, по поводу сдѣланнаго имъ заявленія, Яковъ Яковлевъ объяснилъ, что ему неоднократно случалось бывать въ трактирахъ вмѣстѣ съ *Иваномъ Васильевымъ Бариновымъ* и фабричнымъ, крестьяниномъ *Николаемъ Васильевымъ*. При свиданіяхъ Иванъ Бариновъ и Николай Васильевъ, объясняя ему, что собственность должна быть общею, что крестьянъ нужно сравнить во всемъ съ другими сословіями и что все это должно быть скоро приведено въ исполненіе, совѣтовали проводить подобныя мысли въ народъ, устроивать съ этою цѣлью кружки, собирать возможно большее число послѣдователей таковыхъ мыслей и взглядовъ. Приэтомъ Бариновъ и Васильевъ говорили, что такихъ кружковъ въ Москвѣ и Петербургѣ очень много и что въ Москвѣ, на фабрикѣ Носовыхъ, живутъ двѣ образованныя дѣвушки, въ качествѣ простыхъ рабочихъ, съ единственною цѣлію распространять вышеизложенныя идеи между рабочими фабрики. 25 марта Николай Васильевъ, по совѣту Баринова, далъ Яковлеву для чтенія книгу «Емелька Пугачевъ» и совѣтовалъ Яковлеву обращаться за книгами къ фабричному Василію Григорьеву Вѣтрову. Вслѣдствіе совѣта Васильева, Яковлевъ обратился къ Вѣтрову и получилъ отъ послѣдняго «Исторію французскаго крестьянина». По прочтеніи означенныхъ книгъ, Яковлевъ, убѣдившись въ преступномъ ихъ содержаніи, рѣшился заявить о полученіи книгъ начальству, что и исполнилъ. При послѣднемъ свиданіи съ Яковомъ Яковлевымъ, Николай Васильевъ приглашалъ Яковлева придти 29 марта въ трактиръ у Покровскаго моста и обѣщалъ познакомить Яковлева съ однимъ господиномъ, который можетъ подробно разсказать какимъ образомъ предпологается осуществить весь планъ уравненія крестьянъ съ другими сословіями.

29 марта, въ указанномъ Яковлевымъ трактирѣ, были задержаны вмѣстѣ съ нимъ крестьянинъ москов. губ., дмитріевскаго уѣзда, дер. Высоковой *Николай Васильевъ* и крестьянинъ боровскаго уѣзда, дер. Добриной *Иванъ Васильевъ Бариновъ*. При Николаѣ Васильевѣ оказался узелъ грязнаго бѣлья, по преимуществу женскаго, относительно котораго онъ заявилъ, что таковое куплено имъ на рынкѣ.

Подтверждая въ общихъ чертахъ объясненіе Якова Яковлева, обвиняемый *Иванъ Васильевъ Бариновъ* показалъ, что онъ давно уже знакомъ съ рабочимъ Николаемъ Васильевымъ. Этотъ послѣдній свелъ его съ другимъ рабочимъ *Петромъ Алексѣевымъ*. Васильевъ и Алексѣевъ убѣдили его, Баринова пристать къ ихъ революціонному кружку, имѣющему цѣлію сразнять всѣ сословія, уничтожить правительство, дворянъ и произвести рѣзню. Прочитавъ двѣ, переданныя ему этими лицами, книги «Сказку о четырехъ братьяхъ» и «Чтой-то братцы»—Бариновъ, усмотрѣвъ преступность ихъ содержанія, пожелалъ отстать отъ кружка, но Николай Васильевъ и Петръ Алексѣевъ объявили ему, что теперь уже поздно и въ случаѣ его, Баринова, отказа, онъ можетъ погибнуть. Вслѣдствіе такой угрозы Бариновъ продолжалъ получать книги преступнаго содержанія и познакомился чрезъ Николая Васильева съ какимъ-то Михаиломъ Петровымъ, принадлежащимъ къ тому же революціонному кружку. Книга «Емелька Пугачевъ» передана Якову Яковлеву имъ, Бариновымъ, по совѣту Васильева.

Обвиняемый *Николай Васильевъ* отказался отъ всякаго участія въ революціонной пропагандѣ, опровергалъ оговоръ Яковлева и не пожелалъ указать своего мѣстожительства.

Между тѣмъ братъ Баринова Прокофій Бариновъ, съ своей стороны, подтвердилъ, что оговоренныя Бариновымъ лица и передъ нимъ развивали тѣ же преступныя идеи о необходимости бунта и уничтоженіи правительства.

Черезъ четыре дня послѣ ареста Николая Васильева, въ Жандармское Управленіе явилась крестьянка Дарья Иванова Скворцова и, объявивъ себя любовницей Николая Васильева, заявила, что, въ виду ареста Васильева, она желаетъ указать тѣхъ лицъ, которыя его погубили. Скворцова указала притомъ адресъ общей квартиры этихъ лицъ, добавивъ, что лица эти, собираясь переѣхать на новую квартиру, уложили уже всѣ свои вещи.

Вслѣдствіе подобнаго заявленія Скворцовой и по ея указанію, 4 апрѣля, былъ произведенъ въ Москвѣ, въ домѣ Корсакъ, обыскъ. По обыску, въ отдѣльномъ флигелѣ, были арестованы 7 человѣкъ мужчинъ и двѣ женщины. Изъ женщинъ одна была одѣта въ крестьянское платье, а другая въ обыкновенное городское. Обѣ они отказались объявить свое званіе и назвались

первая буквой А, а вторая Софьей Илларіоновой—съемщицей квартиры. Изъ семи мужчинъ одинъ,—назвавшись сначала буквой Б, заявилъ затѣмъ, что онъ дворянинъ *Иванъ Джабадари*; другой назвался буквой В, третій—крестьяниномъ Василіемъ Григорьевымъ, четвертый—мѣщаниномъ Степаномъ Ивановымъ, пятый—мѣщаниномъ *Семеномъ Ивановымъ Агаповымъ*, шестой и седьмой—крестьянами *Петромъ Алексѣевымъ* и *Пафнутіемъ Николаевымъ*. Въ печныхъ душникахъ квартиры найдены были два паспорта, одинъ на имя крестьянки Анны Степановой и другой на имя крестьянина Федора Михайлова.

По показанію Дарьи Скворцовой, она жила въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Николаемъ Васильевымъ до февраля мѣсяца 1875 г., на фабрикѣ Турне. Передъ праздниками Рождества у Васильева сталъ бывать его знакомый Петръ Алексѣевъ. Съ появленіемъ Петра Алексѣева, Васильевъ началъ ходить по трактирамъ и у него пропала охота къ работѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1875 г., Николай Васильевъ объявилъ Скворцовой, что онъ больше жить на фабрикѣ не будетъ, а найметъ квартиру и приметъ къ себѣ нахлѣбниковъ слесарей, вслѣдствіе чего Скворцова переѣхала съ Васильевымъ въ особую квартиру въ Москвѣ, въ Сыромятникахъ, въ домъ Костомарова. У нихъ на этой квартирѣ поселились женщины подъ именами Аннушки, Маши и Наташи и мужчины: Михаилъ, Ѳедоръ и Василій. Званія ихъ ей, Скворцовой, неизвѣстны, но изъ разговоровъ она понимала, что лица эти живутъ подъ чужими именами и съ чужими паспортами. Маша и Наташа поступили работницами на фабрику Носовыхъ, а Аннушка на фабрику Лазарева. Разъ какъ-то Федоръ привезъ какія-то книги, которыя Михаилъ черезъ недѣлю куда-то увезъ. Въ праздничные дни, къ жильцамъ на квартиру приходили разные рабочіе и этимъ послѣднимъ читались книги: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Хитрая механика» и др. Изъ лицъ одного съ ними образа мыслей ходили въ квартиру какой-то Иванъ Ивановичъ, крестьянинъ Петръ Алексѣевъ и Иванъ Бариновъ. Скворцовой извѣстно, что къ той же компаніи принадлежали еще двѣ сестры Наташа, Вѣра и женщины, которыхъ называли хохлачкой Ѳеклушей, Сашей и Дуняшей. Онѣ всѣ одно время жили у нихъ на квартирѣ. Все это общество вообще разсуждало часто о томъ, что они отвергаютъ Бога, религію, бракъ, хотятъ уровнять бѣдныхъ и богатыхъ, устроить бунтъ и рѣзню, уничтожить правительство, чиновниковъ и дворянъ, а для подготовки крестьянъ къ возстанію раздавать имъ книжки и совѣтовать больше читать ихъ. Въ субботу, на масляной недѣли, въ отсутствіе всѣхъ жильцевъ изъ квартиры, приходилъ какой-то господинъ и спрашивалъ Наташу. Заподозрѣвъ въ этомъ господинѣ сыщика, всѣ жильцы немедленно переѣхали на другую квартиру, скрывъ свой адресъ отъ Скворцовой. Переѣхавъ въ свою очередь съ Васильевымъ на новую квартиру въ Лефортово,

Скворцова стала стирать и шить бѣлье на эту же компанію. Бѣлье приносилъ и относилъ Николай Васильевъ, а иногда и хохлачка Ѳеклуша. Такъ какъ за бѣлье деньги платили не аккуратно, то она вынуждена была отыскать квартиру этихъ лицъ. Въ это время Николай Васильевъ былъ арестованъ и она рѣшилась, для спасенія его, выдать правительству лицъ, сбившихъ Васильева съ пути. Всѣ участники этой компаніи собирались послѣ Пасхи разъѣхаться по разнымъ губерніямъ для преступной пропаганды на фабрикахъ и въ народѣ, причемъ всѣ они угрожали Скворцовой убить ее, если она ихъ выдастъ; бѣлье, отобранное у Васильева въ трактирѣ, Скворцова признала за бѣлье, принадлежащее лицамъ, арестованнымъ въ домѣ Корсакъ.

Изъ числа лицъ, арестованныхъ въ этомъ домѣ, Дарья Скворцова признала въ Иванѣ Джабадари—человѣка, называвшагося Михаиломъ, въ Степанѣ Ивановѣ—Ивана Ивановича, въ лицѣ, назвавшимся буквой В—Ѳедора, женщинѣ, назвавшейся буквой А,—Машу и въ Софьѣ Илларіоновнѣ—Аннушку. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ производствѣ дознанія, изъ числа арестованныхъ въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ и Кіевѣ лицъ Скворцова признала: въ княгинѣ Циціановой (рожденной Хоржевской) хохлачку Ѳеклушу, въ дочеряхъ коллежскаго ассесора Вѣрѣ и Ольгѣ Любатовичъ—Вѣру и Наташу, въ дочери почетнаго гражданина Александровой—Сашу и въ дворянкѣ Лидіи Фигнеръ—Дуняшу, причемъ относительно послѣдней Скворцова, не зная при дознаніи имени Фигнеръ, объяснила, что Дуняшу иногда звали «Лидькой».

Съ своей стороны, въ отмѣну перваго своего показанія, Николай Васильевъ вполнѣ подтвердилъ со всѣми вышеизложенными подробностями показаніе Скворцовой, добавивъ, что съ Михаиломъ и Ѳедоромъ его познакомилъ крестьянинъ Петръ Алексѣевъ. Въ это время Михаилъ и Ѳедоръ жили на одной квартирѣ съ Василіемъ. Михаилъ уговорилъ его бросить фабрику и, нанявши отдѣльную квартиру съ Скворцовой, взять ихъ въ себѣ въ нахлѣбники, что Васильевъ и исполнилъ. Мебель и посуду для квартиры купилъ Михаилъ. Кромѣ лицъ названныхъ выше къ той же компаніи принадлежитъ, по словамъ Васильева, крестьянинъ *Филатъ Егоровъ*, который бывалъ у него на квартирѣ въ Сыромятникахъ. При этомъ Николай Васильевъ подтвердилъ вполнѣ какъ показаніе Якова Яковлева, такъ и оговоръ Ивана Баринова.

Задержанный при обыскѣ, въ домѣ Корсакъ, московской мѣщанинъ *Семенъ Ивановъ Аланов*, показалъ, что онъ живетъ въ одной квартирѣ съ слесаремъ Петромъ Степановымъ, назвавшимся при арестѣ Степаномъ Ивановымъ. Попалъ онъ къ нему на квартиру будто-бы совершенно случайно

и съ 24 марта поселился у него. Лице, назвавшееся Петромъ Степановымъ, внушало ему мысли о необходимости уравненій всѣхъ сословій и обѣщало ему, Агапову, познакомить его съ своими товарищами, распространяющими среди рабочихъ тѣ же идеи. Съ этою цѣлію они вдвоемъ, 31 марта, ходили въ домъ Корсакъ, но тамъ застали только одну Софью Илларіонову, придя же во второй разъ 3 апрѣля, были арестованы вмѣстѣ съ другими лицами. На чердакѣ дома у Петра Степанова спрятано много запрещенныхъ книгъ, изъ числа которыхъ одну «Емелька Пугачевъ». Петръ Степановъ читалъ ему вслухъ. Къ Степанову приходила какая-то Ѳеклуша и они вмѣстѣ куда-то уходили. Крестьянъ Пафнутія Николаева и Петра Алексѣева Агаповъ знаетъ давно и они говорили ему, что бѣжали съ фабрикъ, гдѣ работали, боясь отвѣтственности за распространеніе между рабочими книгъ преступнаго содержанія.

По указанію Агапова, въ домѣ Ѳедоровой, гдѣ проживалъ Агаповъ со Степановымъ, былъ произведенъ обыскъ, по которому, на чердакѣ, зарытыми въ землю и спрятанными подъ крышу, были найдены слѣдующія, принадлежащія, по словамъ Агапова, Степанову, книги: «Исторія французскаго крестьянина», «Парижская коммуна», «Хитрая механика» 2 экземпляра, «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Емелька Пугачевъ», «О мученикѣ Николаѣ» и 2 экземпляра «Чтой-то братцы». Кромѣ того найденъ былъ клочекъ масляной бумаги, на которомъ оказались снятыми съ паспорта Агапова подписи.

Паспорты Агапова и лица, жившаго съ нимъ подъ именемъ Петра Степанова Мудрова, представлены хозяйкой дома Матроной Ѳедоровой, при чемъ какъ Ѳедорова, такъ и дворникъ ея дома Иванъ Щедринъ признали въ Степанѣ Ивановѣ своего жильца Петра Степанова Мудрова.

Ивановъ, назвавшійся при обыскѣ, въ домѣ Корсакъ, иркутскимъ мѣщаниномъ Степаномъ Ивановымъ показалъ, что именами Петра Степанова и Ивана Иванова онъ никогда не назывался, что онъ австрійскій подданный, бывшій студентъ Технологическаго Института *Александръ Осиповъ Лукашевичъ* и что въ домъ Корсакъ онъ попалъ случайно, будучи приглашенъ неизвѣстнымъ ему господиномъ, какимъ-то Павловымъ, придти къ нему, Павлову, для полученія столярной работы.

Съ своей стороны крестьянинъ Василій Григорьевъ, утверждая, что таково его званіе, объяснилъ, что онъ, имѣя надобность въ мебели, желалъ купить ее у Сухаревой башни, но тамъ неизвѣстная ему женщина пригласила его за покупкой мебели, къ себѣ въ квартиру въ д. Корсакъ, куда онъ пришелъ и гдѣ его арестовали.

По указанію Василія Григорьева была розыскана его квартира и у домовой хозяйки былъ отобранъ паспортъ, по которому Василій Григорьевъ проживалъ. Паспортъ этотъ оказался по справкамъ подложнымъ. По показанію хозяина дома Кузьмина и его жены, Григорьевъ переѣхалъ къ нимъ лишь 29 марта. Къ нему приходилъ какой-то человѣкъ по имени Иванъ и двѣ хорошо одѣтыя женщины. Въ квартирѣ Григорьева найдено пальто, въ карманѣ котораго оказался паспортъ, выданный тифлисскимъ полиціймейстеромъ на имя дворянина Михаила Мачеваріани.

По предъявленіи Кузьмину и его женѣ обвиняемаго, назвавшагося буквою В, они признали въ немъ того Ивана, который ходилъ къ Василію Григорьеву и два раза у него ночевалъ.

Въ виду таковыхъ данныхъ, Василій Григорьевъ измѣнилъ свое показаніе и объяснилъ, что зовутъ его *Василіемъ Григорьевымъ Георгіевскимъ*, что онъ потомственный почетный гражданинъ, воспитывался въ Технологическомъ Институтѣ и былъ въ Медико-Хирургической Академіи, но курса нигдѣ не окончилъ. Паспортъ, по которому онъ проживалъ, подложный и купленъ имъ въ Орлѣ. Пальто и видъ Мачеваріани принадлежатъ неизвѣстному ему человѣку по имени Ивану. Съ Иваномъ онъ познакомился, случайно, на улицѣ, и не знаетъ ни его званія, ни мѣстожительства.

Затѣмъ крестьяне смоленской губерніи, сычевскаго уѣзда, деревни Новинской *Петръ Алексѣевъ* и *Пафнутій Николаевъ*, не признавая себя виновными въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, показали, однако, что они бѣжали первый съ фабрики Тимашева, а второй—съ фабрики Соколова, боясь отвѣтственности за распространеніе подобныхъ книгъ. Послѣ побѣга съ фабрикъ, они проживали въ Москвѣ безъ опредѣленныхъ занятій и мѣста жительства. При этомъ Петръ Алексѣевъ объяснилъ нахожденіе свое въ домѣ Корсакъ тѣмъ, что былъ приглашенъ ночевать неизвѣстной ему женщиной, а Пафнутій Николаевъ—тѣмъ, что въ домъ Корсакъ привелъ его Петръ Алексѣевъ, чего послѣдній не подтвердилъ.

Дворянинъ тифлисской губерніи *Иванъ Спиридоновъ Джабадари* показалъ, что съ Софьей Илларіоновой, фамилію которой онъ не скажетъ, онъ познакомился въ 1874 г. за границей въ Парижѣ. Встрѣтивъ случайно ее въ Москвѣ, приходилъ разъ пять на ея квартиру, въ домѣ Корсакъ, гдѣ и былъ въ одно изъ таковыхъ посѣщеній задержанъ. Изъ числа арестованныхъ лицъ, кромѣ Илларіоновой, знаетъ только Николая Васильева, у котораго бывалъ въ Сыромятникахъ нѣсколько разъ. Изъ остальныхъ арестованныхъ съ нимъ лицъ никого не знаетъ и въ распространеніи революціонныхъ идей и книгъ преступнаго содержанія виновнымъ себя не признаетъ.

Неизвѣстный мужчина, назвавшійся буквою В, до самаго конца дознанія отказывался какъ отъ объясненія своего имени, такъ и отъ дачи какихъ бы то ни было показаній.

Между тѣмъ званіе этого лица было обнаружено слѣдующимъ образомъ: при дальнѣйшемъ производствѣ дознанія въ Москвѣ, въ квартирѣ именовавшагося дворяниномъ Зедгенидзе (кн. Циціанова), по обыску, въ числѣ другихъ бумагъ, была найдена копія письма одного арестанта. Въ письмѣ этомъ, арестантъ говоритъ, что онъ откроетъ свое званіе на предварительномъ слѣдствіи, перечисляетъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей, проживающихъ на Кавказѣ, и утверждаетъ, что дѣйствуя на этихъ товарищей именемъ автора письма и, поработавъ надъ ними, можно сдѣлать изъ нихъ хорошихъ пропагандистовъ. По предъявленіи фотографической карточки лица, назвавшагося буквою В, на Кавказѣ, лицамъ, указаннымъ въ вышеприведенномъ письмѣ, дворянинъ Трофимъ Бульбугъ и помощникъ землемѣра Авазовъ признали въ этой карточкѣ первый—своего знакомаго, а второй—своего товарища по школѣ межевщиковъ *дворянина Михаила Чекоидзе*, причемъ дополнили, что Чекоидзе, не кончивъ курса въ школѣ межевщиковъ, уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда за-границу. По полученіи этихъ свѣдѣній съ Кавказа, обвиняемый Иванъ Джабадари призналъ также это лицо за Чекоидзе, показавъ, что онъ хорошо его знаетъ и въ 1874 г. ѣздилъ вмѣстѣ съ нимъ за-границу.

Михаилъ Чекоидзе первоначально отрицалъ справедливость уличающихъ его показаній и только, при заключеніи дознанія, призналъ свое настоящее званіе, заявивъ, что по существу дѣла онъ никакихъ показаній давать не желалъ.

Арестованныя, въ домѣ Корсакъ, двѣ женщины показали слѣдующее:

а) Неизвѣстнаго званія женщина, назвавшаяся сначала буквою А, объяснила, что ее зовутъ *Бетя Абрамовна Каминская*, что она дочь мелитопольскаго купца. Въ 1874 г., она жила въ Цюрихѣ, затѣмъ въ Бернѣ. За-границей она познакомилась съ Софьей Илларіоновой, съ которой, по возвращеніи изъ за-границы, и жила вмѣстѣ въ Петербургѣ. Здѣсь онѣ условились изучать бытъ русскаго народа, съ какою цѣлію, пріѣхавъ въ Москву, поселились вмѣстѣ въ домѣ Корсакъ, гдѣ и были арестованы. По показанію Каминской, обвиняемыхъ Ивана Джабадари и букву В, Каминская также знала за-границей.

б) Обвиняемая *Софья Илларіонова* первоначально отказавшаяся объявить свое званіе, а на послѣдующемъ допросѣ объяснившая, что она *дворянка Тамбовской губерніи Бардина*, показала, что пріѣхала въ Москву съ

своимъ знакомымъ какимъ-то Павловымъ. Этотъ послѣдній скоро уѣхалъ изъ Москвы, а она наняла себѣ квартиру въ д. Корсакъ, куда къ ней пріѣхала жить ея подруга Каминская. Въ преступной пропагандѣ виновной Бардина себя не признала. Джабадари и букву В. она знаетъ по заграничной жизни, но какъ званіе послѣдняго—она не скажетъ. Остальныя лица, арестованныя съ ней вмѣстѣ, ей неизвѣстны и собрались у ней въ квартирѣ для покупки мебели, посуды и старья, которое она желала продать, переѣзжая на новую квартиру.

Съ своей стороны обвиняемыя сестры Любатовичъ, княгиня Цицiанова, Александрова и Фигнеръ, отрицаютъ показаніе Николая Васильева и Скворцовой, уличающихъ ихъ въ томъ, что они проживали у Васильева въ Сыромятникахъ подъ вымышленными именами.

Между тѣмъ, преступная дѣятельность вышеисчисленныхъ обвиняемыхъ, кромѣ обстоятельствъ уже указанныхъ, вполнѣ доказывается слѣдующими данными, обнаруженными дознаніемъ:

1) По отношенію къ обвиняемымъ Софьѣ Бардиной, Бети Каминской, Ольгѣ Любатовичъ, Вѣрѣ Любатовичъ, княгини Цицiановой и Варварѣ Александровой, показанія Дарьи Скворцовой и Николая Васильева нашли себѣ полное подтвержденіе въ объясненіяхъ обвиняемаго Семена Агапова, подтвердившаго то обстоятельство, что лица эти проживали въ квартирѣ Васильева, въ Сыромятникахъ, подъ тѣми именами, какъ о томъ показали Скворцова и Васильевъ, причемъ Агаповъ призналъ въ княгинѣ Цицiановой ту самую Ѳеклушу, которая приходила нѣсколько разъ и уводила за собой жившаго съ Агаповымъ Лукашевича. Кромѣ того, по предъявленіи Каминской и Бардиной мастеру фабрики Лазаревыхъ въ Москвѣ Ивану Юрсу и служащимъ на той же фабрикѣ Григорію Петрову, Терентію Григорьеву и Павлу Игнатьеву, они признали въ Бардиной работницу, жившую на фабрикѣ подъ именемъ Анны Зайцевой, а въ Каминской женщину, приходившую съ Зайцевой наниматься на фабрику подъ видомъ простыхъ работницъ. При этомъ свидѣтели объяснили, что Бардина, работая на фабрикѣ, ходила по ночамъ въ мужскія спальни и читала рабочимъ книжки. Разъ какъ-то ее засталъ въ спальнѣ Григорій Петровъ и выгналъ съ фабрики, причемъ, на постелѣ рабочихъ, Бардиной забыты были: «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и «Хитрая механика». Книжки эти остались у рабочихъ и первая изъ нихъ представлена къ дѣлу, а вторая затерялась. Затѣмъ сторожъ фабрики Носовыхъ Архипъ Барышникъ въ, конторщикъ той же фабрики Никита Мухановъ и рабочій Ефимъ Даниловъ признали въ Каминской работницу ихъ фабрики солдатку Марью Красову, а Никита Мухановъ кромѣ того призналъ въ Ольгѣ Любатовичъ ра-

ботницу Наталью Волкову. По показаніямъ этихъ лицъ Каминская ходила къ рабочимъ на мужскую половину, читала «Сказку о четырехъ братьяхъ» и «Чтой-то братцы», а Ефиму Данилову передала «Хитрую механику», которую онъ съ Барышниковымъ сжегъ, увидавъ, что книжка дурная. Проживали эти лица на фабрикахъ по подложнымъ паспортамъ.

Дѣло, по обвиненію дочери купца Бети Каминской, дальнѣйшимъ производствомъ прекращено, такъ какъ она, во время дознанія, впала въ тяжкую душевную болѣзнь.

Что касается до обвиняемой Лидіи Фигнеръ, то Дарья Скворцова объяснила, что Лидія Фигнеръ подъ именемъ Дуняши работала на какой-то фабрикѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, въ Москвѣ, гдѣ ее поймали при чтеніи запрещенныхъ книгъ. Дуняша, бросивъ на фабрикѣ свой сундукъ и паспортъ, по которому жила, успѣла съ фабрики скрыться. Въ подтвержденіе показанія Скворцовой дознаніемъ обнаружено, что на Дѣвичьемъ полѣ, на фабрикѣ Гюбнеръ, съ 19 марта до 5 апрѣля 1875 г., проживала какая-то солдатка Авдотья Степанова, замѣченная по своему особенному развитію, и что солдатка эта, оставивъ на фабрикѣ свой сундукъ и паспортъ, куда-то скрылась. По предъявленіи Лидіи Фигнеръ рабочимъ фабрики Гюбнеръ Григорію Васильеву, Прасковьѣ Федоровой и Ольгѣ Ивановой, эти свидѣтели показали, что Фигнеръ похожа на женщину, называвшуюся Авдотьей, но только послѣдняя ходила не въ городскомъ, а крестьянскомъ платьѣ. (Фигнеръ была предъявлена свидѣтелямъ въ городскомъ платьѣ).

2) По отношенію къ обвиняемымъ Ивану Джабадари, Петру Алексѣеву, Пафнутію Николаеву и Филату Егорову дознаніемъ выяснены слѣдующія данныя:

а) 24 марта 1875 г., вслѣдствіе заявленія прикащика ткацкой фабрики братьевъ Тюляевыхъ, было обнаружено распространеніе книгъ преступнаго содержанія между рабочими этой фабрики. По произведенному обыску, на чердакѣ фабрики, найдено 6 экземпляровъ «Хитрой механики», столько же экземпляровъ «Сказки о четырехъ братьевъ», 5 экземпляровъ «Чтой-то братцы» и по одному экземпляру «Крестьянскіе выборы» и «Исторія французскаго крестьянина». Книги эти, какъ оказалось, принесены на фабрику рабочимъ Афанасіемъ Ермолаевымъ и получены имъ отъ его роднаго племянника *крестьянина Филата Егорова*, того самаго, который, по показанію Николая Васильева, посѣщалъ Джабадари въ его квартирѣ, въ Сыромятникахъ. Получены были Ермолаевымъ эти книги при такихъ обстоятельствахъ: Филатъ Егоровъ, придя на фабрику Тюляевыхъ передъ масляной недѣлей 1875 г., вызвалъ въ трактиръ Ермолаева и Ефрема Платонова. Въ трактирѣ они нашли Филата Егорова и съ нимъ двухъ незнакомыхъ

имъ людей—слесаря Михаила и какаго-то Ѳедора. Лица эти угощали ихъ водкой и чаемъ. Черезъ нѣсколько времени, тотъ же Егоровъ снова позвалъ ихъ обоихъ въ трактиръ и съ ними еще нѣсколько рабочихъ. Въ этотъ разъ, въ трактирѣ, былъ только Егоровъ съ Михайлой и послѣдній, угощая рабочихъ чаемъ, толковалъ имъ, про какое-то братство. Послѣ этого Егоровъ приходилъ съ крестьяниномъ Акимомъ Трофимовымъ и, вызовя снова Ермолаева и Платонова въ трактиръ, передалъ каждому изъ нихъ по одному экземпляру «Хитрой механики», «Сказки о четырехъ братьяхъ» и «Чтой-то братцы.» Кромѣ этихъ книгъ Филатъ Егоровъ передалъ Ермолаеву великимъ постомъ цѣлый свертокъ книгъ, совѣтуя читать ихъ самому и давать читать другимъ рабочимъ, что Ермолаевъ и началъ дѣлать. Когда же рабочіе, прочитавъ книги, стали говорить, что книги эти не хороши, онъ, Ермолаевъ, запряталъ ихъ на чердакъ и болѣе читать никому не давалъ. То же самое подтвердили Платоновъ и Трофимовъ, добавивъ, что, узнавъ о вредномъ направленіи книгъ, они сожгли эти книги. Кромѣ того Ефремъ Платоновъ заявилъ, что еще въ началѣ 1875 г., въ Москву, пріѣхалъ его односелецъ крестьянинъ Петръ Алексѣевъ и, придя къ нему съ какимъ-то неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, вызвалъ его въ трактиръ и передалъ «Сказку о четырехъ братьяхъ», совѣтуя ее прочесть. Черезъ нѣсколько времени Петръ Алексѣевъ снова вызвалъ его въ трактиръ, гдѣ, познакомилъ его съ личностью, которую онъ называлъ пріѣхавшимъ изъ Петербурга слесарёмъ Михайлой. Этотъ послѣдній далъ ему «Хитрую механику» и «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ.» Затѣмъ по показанію рабочаго Филиппа Иванова, тотъ же Петръ Алексѣевъ передалъ и ему, Иванову, «Хитрую механику» и «Емельку Пугачева.» Не сознавая преступности содержанія этихъ книгъ, Филиппъ Ивановъ читалъ ихъ рабочимъ вслухъ.

Обвиняемый Филатъ Егоровъ былъ розысканъ и задержанъ въ Москвѣ Афанасіемъ Ермолаевымъ и его женой, а Петръ Алексѣевъ, въ ночь производства обыска на фабрикѣ Тимашева, съ фабрики скрылся и былъ задержанъ только въ ночь на 4 апрѣля въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсакъ.

По предъявленіи обвиняемаго Ивана Джабадари рабочимъ тюляевской фабрики, онъ былъ признанъ за того самого, Михайлу, который угощалъ вмѣстѣ съ Филатомъ Егоровымъ рабочихъ въ трактирѣ чаемъ.

б) 28 марта московской полиціи съ фабрики купцовъ Емельянова и Рошфоръ дано было знать, что между рабочими фабрики появились «Хитрая механика» и «Сказка о четырехъ братьяхъ», вышедшія изъ рукъ рабочихъ Власа и Никифора Алексѣевыхъ. Хотя по обыску на фабрикѣ не было найдено книгъ преступнаго содержанія, но Власъ и Никифоръ Алек-

сѣевы показали, что подобныя книги у нихъ были и получили они ихъ отъ своего роднаго брата *Петра Алексѣева*. Книги эти они давали читать двумъ рабочимъ, но узнавъ, что это дурныя книги, немедленно сожгли ихъ.

в) Независимо отъ распространенія книгъ на тюляевской фабрикѣ, крестьянинъ Филатъ Егоровъ уличается еще въ передачѣ крестьянину богородскаго уѣзда, дер. Тереньковой Мирону Александрову Емельянову трехъ книгъ преступнаго содержанія, а именно: «Хитрой механики», «Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и «Чтой-то братцы». Книги эти были привезены въ деревню Теренькову, по показанію Мирона Александрова Емельянова, Филатомъ Егоровымъ, который хвалилъ ихъ ему и совѣтовалъ прочитать. Неоднократный пріѣздъ Филата Егорова въ деревню Теренькову удостовѣренъ показаніями крестьянъ означенной деревни и крестьянина Семена Григорьева Емельянова, съ которымъ Филатъ Егоровъ въ первый разъ пріѣзжалъ въ дер. Теренькову.

г) 28 марта 1875 г., въ Москвѣ, на фабрикѣ купца Соколова, у рабочихъ фабрики Осипа Павлова и Тимофѣя Васильева былъ отобранъ одинъ экземпляръ «Хитрой механики». Спрошенный по этому поводу Осипъ Павловъ, показалъ, что 20 марта Тимофѣй Васильевъ принесъ ему книжку «Чтой-то братцы» и просилъ ее посмотрѣть какая она, но онъ, Павловъ за недосугомъ не успѣлъ прочесть книжку и Васильевъ отдалъ ее назадъ рабочему той фабрики Пафнутію Николаеву, отъ котораго онъ ее и получилъ. Тимофѣй Васильевъ, вполнѣ подтверждая показаніе Осипа Павлова, добавилъ, что и отобранную у него «Хитрую механику» онъ получилъ отъ того же Пафнутія Николаева, который насильно навязалъ ему эти книги, ибо онѣ ему, Васильеву, какъ человѣку совершенно неграмотному, не были нужны.

Показаніе Павлова и Васильева о способѣ пріобрѣтенія ими книгъ преступнаго содержанія нашло себѣ полное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ самый день отобранія у Васильева «Хитрой механики», Пафнутій Николаевъ, бросивъ на фабрикѣ свои вещи, неизвѣстно куда скрылся и былъ задержанъ въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсакъ.

Какъ ранѣе было сказано, обвиняемые Иванъ Джабадари, Петръ Алексѣевъ и Пафнутій Николаевъ не сознались въ совершенныхъ ими преступленіяхъ, крестьянинъ же *Филатъ Егоровъ*, хотя первоначально и отказывался отъ всякаго участія въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, но затѣмъ, будучи уличенъ вышеизложенными обстоятельствами дѣла, объяснилъ, что, въ трактирѣ, около фабрики Тюляевыхъ, онъ познакомился съ двумя слесарями Михайломъ, Василіемъ и еще третьимъ ему неизвѣстнымъ. У этихъ лицъ онъ бывалъ на квартирѣ, иногда ночевалъ и встрѣчалъ у нихъ разныхъ мужчинъ и женщинъ. Въ этой квартирѣ, онъ видѣлъ принадлежащій Михайлѣ чемоданъ. Изъ чемодана Михайло доставалъ книги и давалъ Филату Егорову,

преся его раздавать ихъ рабочимъ. Въ первый разъ Михайло далъ ему 6 экземпляровъ «Хитрой механики», «Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и «Чтой-то братцы», а во второй разъ, кромѣ тѣхъ же книгъ, еще «Исторію французскаго крестьянина», «Парижскую коммуну» и «Емельку Пугачева», часть этихъ книгъ онъ распродалъ, а часть у него растащили. Затѣмъ Филатъ Егоровъ призналъ, что рабочимъ тюляевской фабрики, а равно и Мирону Емельянову книги преступнаго содержанія были переданы имъ Филатомъ Егоровымъ. По предъявленіи Егорову Иванова Джабадари, Егоровъ призналъ въ немъ того Михайлу, который снабжалъ его книгами.

Изъ обстоятельствъ дѣла, изложенныхъ выше, видно, что изъ числа лицъ, проживавшихъ въ г. Москвѣ, сначала въ квартирѣ крестьянина Николая Васильева, въ Сыромятникахъ, а затѣмъ въ д. Корсакъ, въ квартирѣ Бардиной и занимавшихся преступной пропагандой на московскихъ фабрикахъ, отъ дознанія успѣли скрыться пять женщинъ, а именно: Ольга и Вѣра Любатовичъ (Наташа и Вѣра), Лидія Фигнеръ, (Дуняша) Варвара Александрова (Саша) и княгиня Александра Циціанова, рожденная Хоржевская (хохлачка Ѳеклуша). Возникшимъ въ августѣ 1875 г., почти одновременно въ Иваново-Вознесенкѣ, Москвѣ, Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, дознаніемъ обнаружено, что женщины эти и послѣ арестовъ, произведенныхъ по дознанію о дворянинѣ Джабадари и другихъ, не оставили свои преступныя затѣи и продолжали заниматься той же пропагандой, которой занимались и ранѣе. Соединившись снова съ нѣсколькими лицами одного съ ними образа мыслей, онѣ снова сплотились въ организованное преступное сообщество, имѣвшее свой уставъ съ достаточно опредѣленными условіями совмѣстной дѣятельности, цѣлями, которыхъ сообщество это стремилось достигнуть, съ кассой и управленіемъ преступнаго сообщества.

Потерпѣвъ неудачу на московскихъ фабрикахъ, въ силу несочувствія фабричнаго населенія къ идеямъ, пропагандируемымъ обвиняемыми, а также вслѣдствіе возникшаго о нихъ дознанія, лица, составившія преступное сообщество, организовавши въ Москвѣ управленіе (администрацію) замыслили перенести свою дѣятельность въ г. Иваново-Вознесенскъ, Одессу, Кіевъ и Тулу, что вполнѣ согласуется съ показаніями Николая Васильева и Дарьи Скворцовой, утверждавшихъ, что послѣ Пасхи 1875 г., пропагандисты, проживавшіе въ д. Корсакъ, хотѣли разъѣхаться по губерніямъ для преступной пропаганды на провинціальныхъ фабрикахъ. Въ городахъ вышеуказанныхъ, члены сообщества, имѣя постоянное между собой сношеніе, старались поступать на фабрики и, гдѣ это удавалось, распро-

страняли между рабочими уже исчисленныя выше книги преступнаго содержанія. Что дѣятельность членовъ сообщества, обнаруженная дознаніемъ, возникшемъ въ августѣ 1875 г., есть продолженіе того же дѣла, которое задумано было лицами, арестованными въ домѣ Корсакъ, это доказывается какъ характеромъ самой дѣятельности, пріемами пропаганды, взаимной перепиской членовъ, сношеніями съ арестованными лицами, а также и тѣмъ, что, съ одной стороны, главными лицами и руководителями въ организованномъ сообществѣ являются тѣ пять женщинъ, которыя скрылись изъ дома Корсакъ, а съ другой стороны участіемъ въ ивановской общинѣ двухъ лицъ, освобожденныхъ на поруки, по дознанію о Джабадари и другихъ. Дознаніемъ доказано, что Лидія Фигнеръ и Варвара Александрова играли главную роль въ обществѣ пропагандистовъ въ Иваново-Вознесенскѣ. Ольга Любатович въ Одессѣ и Тулѣ; княгиня Цицианова въ Кіевѣ и Вѣра Любатович въ Москвѣ, какъ члены администраціи сообщества. Агаповъ и Бариновъ были членами ивановской общины. Рядомъ произведенныхъ по сему предмету дознаній обнаружено слѣдующее:

I

Въ началѣ августа мѣсяца 1875 г., служащій въ г. Иваново-Вознесенскѣ на фабрикѣ Зубкова крестьянинъ Александръ Трухинъ отобралъ у рабочаго фабрики Тимофѣя Бурова книгу подъ заглавіемъ «Сказка о четырехъ братьяхъ». Убѣдившись въ ея вредномъ направленіи, Трухинъ передалъ книгу начальству фабрики, а это послѣднее заявило о томъ мѣстной полиціи.

Спрошенный по поводу этой книжки, крестьянинъ Тимофѣй Буровъ объяснилъ, что онъ получилъ книгу отъ рабочаго фабрики Зубкова Ивана Петрова, принадлежащаго къ компаніи московскихъ ткачей, поселившихся въ д. Кисина. Фабричные прозвали этихъ ткачей «всумѣлыми», на томъ основаніи что на вопросы: зачѣмъ они пріѣхали въ Иваново-Вознесенскъ изъ Москвы, когда въ Москвѣ своихъ фабрикъ много.—ткачи говорили, что они еще плохо работаютъ, а въ Москвѣ берутъ на фабрики только умѣлыхъ.

Полиціей, по указанію Тимофѣя Бурова, въ домѣ Кисина произведенъ былъ обыскъ, при которомъ задержаны были три женщины: Топоркова, Елисѣева и Екатерина и одинъ мужчина—Семенъ Агапѣевъ. По заявленію Бурова не оказалось на лицо еще одной женщины Александры и двухъ мужчинъ: Ивана Петрова и Евгенія Николаева. Послѣдній былъ задержанъ въ то время, когда возвращался домой съ фабрики и увидалъ у дома полицію, хотѣлъ скрыться. Женщина Александра была арестована на фабрикѣ Зубкова, гдѣ она работала. По заявленію всѣхъ арестованныхъ лицъ Иванъ Петровъ за нѣсколько дней до обыска уѣхалъ въ Москву. Женщины

Елисавета и Александра назвали себя буквами *А.* и *Б.*, а всѣ остальныя лица тѣми именами, подъ которыми они жили и работали на фабрикахъ. По обыску въ домѣ Кисина найдено 245 экземпляровъ книгъ и газетъ преступнаго содержанія, копія съ рукописи «Исповѣди Шефа Жандармовъ», разныя письма, документы и 253 р. сер. денегъ. Кромѣ того у женщины, назвавшейся буквою *А.*, въ кошелькѣ, оказались два почтовыхъ листа и одинъ полулистъ исписанныя шифромъ и какое-то письмо, которое *А.*, скомкавъ въ рукѣ, хотѣла проглотить, но письмо было отобрано и положено на столъ. Въ это время женщина, по имени Александра, схватила свое письмо и сунула себѣ въ ротъ, когда же жандармы схватили Александру, желая отнять у нея письмо, то Евгеній Николаевъ бросился на одного изъ жандармовъ и сталъ его душить, крикнувъ остальныхъ арестантовъ на помощь. Эти послѣдніе въ свою очередь напали силой на жандармовъ, но при содѣйствіи всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ при обыскѣ, порядокъ былъ возстановленъ и письмо у Александры отобрано. Кромѣ того при обыскѣ отобраны простонародные женскіе костюмы и разныя вещества для вытравленія чернилъ. Затѣмъ, по обыску, на фабрикѣ Лопатина найдены три книги преступнаго содержанія («Исторія одного французскаго крестьянина.» «Сказка о четырехъ братьяхъ» и «Итэн-то братцы».)

Изъ числа отобранныхъ въ д. Кисина писемъ, записокъ и бумагъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія:

1) *Записки, писанныя шифрами*, по дешифрированіи ихъ, оказались адресами для сношеній съ разными мѣстностями Имперіи; одна изъ нихъ—рецептъ для вывода и уничтоженія чернилъ и красокъ и другая—замѣтка о количествѣ революціонныхъ книгъ и газетъ, отправленныхъ въ г. Иваново-Вознесенскъ, причемъ, показанное въ этой замѣткѣ количество отправленныхъ экземпляровъ соотвѣтствуетъ, приблизительно, количеству **книгъ и газетъ, найденныхъ въ д. Кисина.**

2) *Письмо отъ 19 іюля 1875 г., адресованное изъ Москвы въ Иваново-Вознесенскъ.* Вниманіе обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста...«Новостей много, есть и хорошія, есть и скверныя. Начнемъ съ отцовъ: пріѣхалиотцы Михайла и Бетьки (подъ этими именами, какъ ранѣе указано, извѣстны Иванъ Цакабадзе и Каминская)..... отыскали тетку (т. е. Барлину), она сидитъ въ городской части.... Дѣло Федора (т. е. Чекондзе) будто бы поднялось и было готово, только прогнали служителя тюрьмы и сношенія прекратились. Съ юга вообще неутѣшительныя вѣсти П. А. и Сеня на-отрѣзъ отказались остаться въ Одессѣ.... Съ ними въ Одессѣ имѣли наши разговоръ и *онъ вышелъ изъ нашей организаціи*, разошелся съ нами.... Тульскіе ведутъ себя преступно. Огромное у нихъ знакомство между рабочими и еще ни одной революціонной книги не

читали. Мы думаемъ, что не мѣшало бы туда переселиться Ольгѣ и Ванюшѣ, такъ какъ имъ въ Одессѣ нельзя оставаться.... Надя ушла на работу.... Если только почему ни будь Ольгѣ нельзя будетъ уѣхать въ Тулу, то придется отнять человѣка отъ васъ въ виду того, что тамъ огромное знакомство и прелестная почва, нужно только подталкиваніе и во 2-хъ этого Злобина можетъ И. А. перетянуть, тогда Тула ушла у насъ изъ рукъ, а этого нельзя дѣлать. Никакихъ вѣстей ни отъ Саратовца, ни отъ Егора, а о Тулѣ подавно. Ѳеклуша (т. е. княгиня Циціанова) вышла замужъ за князя Мутрука. О Гамкѣ (т. е. Гамкрелидзе) знаете Кабарда обвѣнчалась съ Россіей» (свадьба его съ Тумановой). Затѣмъ, въ письмѣ слѣдуетъ разсказъ о нѣсколькихъ мѣстныхъ безпорядкахъ, происшедшихъ, будто-бы, въ разныхъ краяхъ Имперіи, частію вымышленныхъ, частію преувеличенныхъ; разсказъ этотъ кончается словами: Вотъ оно какъ, а прочтите въ добавокъ циркуляръ Палена..... какъ труситъ правительство нашихъ революціонеровъ, а ничего подѣлать не можетъ... Платье получите съ Катей... Посылаемъ книги, посылаемъ револьверы съ патронами. *Убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте.* Одесская община предложила принять въ нашу организацію Санчо (кличка въ общинѣ князя Циціанова)... Московскіе члены организаціи согласны... вообще остановка за вами, а то всѣ согласны.» Письмо это писано по заключенію экспертовъ рукою обвиняемаго Здановича.

3) Въ письмѣ отъ 19 іюля имѣется приписка отъ 26 іюля 1875 г. Авторъ приписки, объясняя почему одинъ изъ ивановскихъ пропагандистовъ долженъ отправиться въ Тулу, между прочимъ, говоритъ: «*въ письмѣ Рыжій объясняетъ вамъ* положеніе дѣлъ и почему это нужно.... Вездѣ недостатокъ людей, а больше всего скопилось въ Иваново-Вознесенскѣ...порѣшили выслать оттуда въ Тулу одну изъ бабъ.. Не все только то приходится дѣлать, что пріятно, напр. Рыжему не хотѣлось ѣхать на границу, а между тѣмъ онъ поѣхалъ.» Ранѣе авторъ говоря о сапогахъ, (т. е. о фальшивыхъ паспортахъ и видахъ на жительство,) которыя трудно достаются, продолжаетъ: «Теперь относительно меня вамъ извѣстно, что я согласилась, остаться въ администраціи только мѣсяцъ, да и въ программѣ сказано такъ, а сегодня 26 іюля какъ разъ мѣсяцъ, такъ что я предлагаю, чтобы кто нибудь изъ васъ замѣнилъ меня въ этой должности. Работать я, вѣроятно, поѣду въ Кіевъ. Вѣроятно отъ васъ не потребуется человѣка въ Тулу. Ольга должно быть пойдетъ туда. Сношенія съ заключенными идутъ своимъ чередомъ. Завтра будетъ попытка къ освобожденію Федора (т. е. Чекоидзе.)» Приписка отъ 26 іюля писана обвиняемой Вѣрой Любатовичъ. Именно это письмо женщины, арестованныя въ д. Кисина, желали во время обыска уничтожить.

4) *Письмо къ Аннѣ безъ числа за подписью Евгенія.* Евгенія, сообщая Аннѣ о своемъ путешествіи и о посѣщеніи ею какой-то соціалистки говоритъ, что вездѣ, гдѣ она не была, замѣчался сильный недостатокъ людей. Затѣмъ,

предупреждая Анну о принятіи мѣръ къ тому, чтобы не «ухнуть». Евгенія продолжаетъ: «о вашихъ ивановскихъ дѣлахъ, я слышала разговоръ вовсе не съ радостнымъ чувствомъ. Вы идете скорыми шагами къ погрому, который останется безслѣднымъ для Нв. и въ тоже время ужаснымъ для общаго хода дѣлъ. Вы ведете дѣло болѣе неосторожно, *чѣмъ оно велось въ Москвѣ*. Что жъ ухаете господа, не помните, что одинъ, два погрома и мы остались на мели. Вѣра хочетъ уѣхать въ Кіевъ, надо, чтобы кто нибудь пріѣхалъ ее замѣстить. Рыжаго нѣтъ, въ Москвѣ осталось народу изъ рабочихъ мало.... Мой дружескій привѣтъ всѣмъ товарищамъ». Письмо это, какъ оказалось, написано обвиняемой Евгеніей Субботиной.

5) Письмо, начинающееся словами: «Милая Анюта» и подписанное «Твой Митрій» заключаетъ въ себѣ излияніе тоски по поводу разлуки съ любимой женщиной. Между тѣмъ, при разсмотрѣніи этого письма, оказалось, что надъ нѣкоторыми изъ буквъ проставлены цифры, совокупность же всѣхъ цифръ составила письмо шифрованное по отобранному въ Ивановѣ шифру «Эй Фомичъ». Въ написаномъ такимъ способомъ письмѣ, пропагандисты предупреждались, что попытка къ освобожденію Федора не удалась, что Катька уже давно уѣхала къ нимъ отъ Гамки и предупреждались быть осторожнѣе, ибо къ нимъ направился сыщикъ съ длинной бородой.

6) Черновое и перебѣленное письмо, написанное Александровой и составляющее отвѣтъ на приписку отъ 26 іюля.

7) Что касается до рукописи «Экспедиція Шефа Жандармовъ», то рукопись эта есть точная копія печатной записки, имѣющей своимъ предметомъ общее изложеніе обстоятельствъ послѣднихъ политическихъ процессовъ и данныхъ, добытыхъ дознаніемъ, производившимся Генералъ-Лейтенантомъ Слезкинымъ подъ наблюденіемъ Прокурора Саратовской Судебной Палаты Жихарева. Въ письмѣ 19 іюля упоминается о посылкѣ этой рукописи и рукопись называется циркуляромъ Графа Палена, причемъ сообщается, что циркуляръ отправленъ за-границу для напечатанія его отдѣльной брошюрой съ должными коментаріями.

8) Отобранныя у обвиняемыхъ паспорты Евтропія Николаева, Александры Ивановой, Ольги Ивановой и Елисаветы Ушаковой оказались по справкамъ подложными и очевидно, сфабрикованы самими обвиняемыми, что, доказывается уже тѣмъ, что къ двумъ паспортамъ одному тульской, а другому тверской губерніи приложена одна и таже печать новоселовскаго волостнаго правленія. Какъ оказалось, впослѣдствіи, паспорты эти писаны рукою обвиняемаго Здановича.

Такимъ образомъ путемъ одного обыска и содержаніемъ отобранной пріемъ переписки вполнѣ разъяснилась цѣль, съ которой арестованныя лица прибыли въ Иваново-Вознесенскъ. Значительная для рабочихъ людей сумма денегъ, найденная по обыску, большое количество преступнаго содержанія книгъ, по характеру и способу изложенія предназначенныя для распространенія въ народѣ, совмѣстное жительство всѣхъ этихъ лицъ и проживательство ихъ по фальшивымъ видамъ—достаточно доказывали, что арестованныя лица принадлежатъ къ числу пропагандистовъ. Кромѣ того найденная у пропагандистовъ переписка приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что лица, писавшія и получавшія письма, принадлежатъ къ одному и тому же противозаконному сообществу, къ составу котораго слѣдуетъ также отнести и лицъ задержанныхъ въ домѣ Корсакъ въ Москвѣ; что въ порядкѣ дѣйствій пропагандистовъ, въ основѣ и раздѣленіи ихъ труда и дѣятельности лежитъ извѣстная программа, уставъ; что къ тому же сообществу принадлежатъ пропагандисты, живущіе въ Тулѣ, Одессѣ и Кіевѣ; что въ Москвѣ находится администрація этого сообщества, посылающая въ провинціи пропагандистамъ бѣлье, книги, газеты, оружіе, фальшивые паспорты, распоряжающаяся розсылкой по губерніямъ и перемѣщеніемъ изъ губерніи въ губернію лицъ этого сообщества, озабочивающаяся принятіемъ въ сообщество новыхъ членовъ, поддерживающая общія между членами сношенія, а равно и организующая сношенія съ арестованными лицами, содѣйствуя ихъ побѣгамъ.

Между тѣмъ дознаніемъ вполнѣ доказано, что лица, арестованныя въ домѣ Кисина, поступивъ на фабрики, приступили уже на самомъ дѣлѣ къ распространенію среди рабочихъ книгъ преступнаго содержанія. Дознаніе обнаружило слѣдующіе факты:

28 мая 1875 г., въ г. Иваново-Вознесенскъ прибыли изъ Москвы пеховая Анна Топоркова, мѣщанинъ Семенъ Аѳановъ и крестьянинъ несуществующаго ревякинскаго уѣзда Евтропій Николаевъ. Поселившись вмѣстѣ въ домѣ Бурылиной, лица эти стали пріискивать себѣ мѣста на фабрикахъ. При содѣйствіи, случайно, познакомившагося съ ними крестьянина Косьмы Семенова, Аѳановъ поступилъ на фабрику Зубкова, а Евтропій Николаевъ на фабрику Лопатина. Въ концѣ іюня, на квартиру къ означеннымъ лицамъ пріѣхалъ крестьянинъ Иванъ Васильевъ и поступилъ также на фабрику Зубкова, гдѣ назвался Иваномъ Петровымъ. Недѣлю спустя пріѣхали еще двѣ женщины Александра Иванова и Елисавета Ушакова, поступившія на ту же фабрику Зубкова. Вслѣдъ засимъ вся компанія переселилась на новую квартиру въ домъ Кисина, куда за нѣсколько дней до обыска пріѣхала еще крестьянка Ольга Иванова. Всѣ лица, поселившіяся въ домѣ Кисина, старались не отличаться вообще отъ жизни фабричныхъ.

Они вмѣстѣ спали, женщины ходили босикомъ, въ простомъ платьѣ, сами себѣ носили воду, принимали у себя рабочихъ и угощали ихъ чаемъ. Плохо зная ткацкое ремесло, пропагандисты, подъ предлогомъ скорѣе ему выучиться, пригласили къ себѣ ткача Михаила Широкова. Черезъ Широкова они познакомились съ фабричнымъ Павломъ Широковымъ, Тимофѣемъ Александровымъ и другими. Аѳановъ и Иванъ Петровъ, съ своей стороны, приводили къ себѣ фабричныхъ и когда, такимъ образомъ, около пропагандистовъ составился кружекъ знакомыхъ рабочихъ, ими приступлено было къ распространенію между рабочими книгъ преступнаго содержанія. Такъ, вышеназванныя лица, а равно и рабочіе Василій Лаврентьевъ и Егоръ Борисовъ читали: «Исторію французскаго крестьянина», «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Богъ-то Богъ», «Чей-то братцы» и газету «Впередъ». Книги эти давались рабочимъ Евтропіемъ Николаевымъ, Семеномъ Аѳановымъ и Александрою Ивановой. По удостовѣренію свидѣтелей, подтвердившихъ все вышеизложенное, до пріѣзда пропагандистовъ, въ Иваново-Вознесенскѣ подобныхъ книгъ между рабочими не было.

Кромѣ того задержанный въ квартирѣ пропагандистовъ мѣщанинъ Ѳедоръ Жарковскій, нынѣ уже сосланный, объяснилъ, что онъ познакомился съ пропагандистами черезъ Семена Аѳанова, пригласившаго его къ себѣ. Всѣ жившія вмѣстѣ лица какъ мужчины, такъ и женщины уговаривали его поступить на полное содержаніе ихъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать пропагандировать въ Петербургъ или Тулу. Въ Тулѣ, какъ говорили они у нихъ уже былъ пропагандистъ какой-то слесарь. Во время этихъ посѣщеній Анна Топоркова дала ему «Хитрую механику», «Парижскую коммуну» и 3 номера газеты «Впередъ». Книги и газеты были найдены въ мѣстѣ, указанномъ Жарковскимъ.

Затѣмъ обвиняемый мѣщанинъ Семенъ Ивановъ Аѳановъ тотъ самый, который ранѣе сего былъ задержанъ въ домѣ Корсакъ, въ Москвѣ, давая сначала уклончивыя показанія, объявилъ затѣмъ, что въ Москвѣ, послѣ освобожденія изъ подъ ареста, онъ познакомился съ Владиміромъ Александровымъ, арестованнымъ въ Иваново-Вознесенскѣ подъ именемъ Евтропія Николаева. Этотъ послѣдній предложилъ Аѳанову ѣхать на пропаганду въ Кіевъ, Одессу или Иваново-Вознесенскъ. Аѳановъ выбралъ послѣдній городъ, куда вмѣстѣ съ Александровымъ и Топорковой и отправился. Познакомившись съ рабочими, они приглашали ихъ къ себѣ и здѣсь рабочимъ читались книги. Книги эти были привезены Лидіей Фигнеръ и Варварою Александровой, пріѣхавшими въ Иваново подъ именами Елисаветы и Екатерины. Всѣ его сотоварищи уговаривали Аѳанова быть какъ можно дѣятельнѣе по раздачѣ рабочимъ книгъ, причемъ Александровъ говорилъ ему, Аѳанову, что есть преслѣдованія полиціи всегда

легко скрыться у товарищей-пропагандистовъ въ Москвѣ, въ домѣ Эйнбродтъ на Спиридоновкѣ, въ квартирѣ, нанятой на имя Лидіи Фигнеръ. Живя въ Иваново-Вознесенскѣ, онъ отъ своихъ товарищей зналъ, что, въ то-же время указанныя, при дознаніи о Джабадари, Оекла (кн. Циціанова) и Ольга (Любатовичъ) занимались преступной пропагандой первая—въ Кіевѣ, а вторая—въ Одессѣ. Въ Ивановѣ хозяйствомъ завѣдывала Топоркова, деньги же хранились у Лидіи Фигнеръ и каждый изъ пропагандистовъ обязанъ былъ вносить свои заработки въ общую кассу.

Изъ остальныхъ арестованныхъ въ д. Кисина лишь крестьянинъ Евтрапій Николаевъ, буквы А. и Б., отказываясь сначала объявить свое званіе, показали затѣмъ:

1) Буква А, что она уроженка казанской губерніи, дворянка *Лидія Фигнеръ* пріѣхала въ Иваново-Вознесенскъ единственно съ цѣлію изучить бытъ фабричныхъ и преступной пропагандой не занималась, хотя и признала, что отобранныя при обыскѣ книги принадлежатъ ей. Въ Москвѣ, въ домѣ Эйнбродтъ, она жила въ квартирѣ, переданной ей ея знакомой по жизни за-границей *Маріей Субботиной.*

2) Буква Б. что она дочь почетнаго гражданина *Варвара Александрова* и въ Иваново-Вознесенскъ пріѣхала съ тою же цѣлью какъ и Фигнеръ, которой совсѣмъ не знаетъ.

3) *Евтропій Николаевъ*, что онъ сынъ статскаго совѣтника *Владиміръ Петровъ Александровъ* пріѣхалъ въ Иваново изучать бытъ народа, что Топоркову и Лидію Фигнеръ зналъ еще въ Москвѣ. Книги привезены были Фигнеръ и Александровой. Затѣмъ Александровъ, признавая себя, согласно со свидѣтельскими показаніями, виновнымъ въ томъ, что давалъ фабричнымъ рабочимъ читать книги преступнаго содержанія, отъ дальнѣйшаго разъясненія дѣла отказался.

4) Обвиняемая московская цеховая *Анна Топоркова*, утверждая также, что пріѣздъ ея въ Иваново имѣлъ единственною цѣлію знакомство съ бытомъ фабричныхъ, показала, что никого изъ арестованныхъ лицъ она не знаетъ и всѣ они случайно поселились на ея квартирѣ.

5) Далѣе послѣднія изъ арестованныхъ лицъ первоначально назвала себя бродяжкой Екатериной Петровой, но затѣмъ, будучи уличена Владиміромъ Александровымъ и справками въ С.-Петербургѣ, призналась, что она *жена дворянина Екатерина Гамкрелидзе, рожденная Туманова*. По показанію Гамкрелидзе, она пріѣхала въ Иваново-Вознесенскъ только для того, чтобы проститься со своей знакомой Лидіей Фигнеръ передъ отъѣздомъ съ мужемъ на Кавказъ.

Наконецъ, въ Москвѣ, былъ арестованъ и послѣдній изъ ивановскихъ пропагандистовъ крестьянинъ *Иванъ Васильевъ Баринов*, тотъ самый, который ранѣе сего содержался подъ стражей по дознанію о дворянинѣ Джабадари и др. По предъявленіи Баринова рабочимъ фабрики Зубкова, эти послѣдніе признали Баринова за рабочаго Ивана Петрова, распространявшаго между ними книги преступнаго содержанія.

Обвиняемый Баринов, отрицая всякое съ своей стороны участіе въ распространеніи книгъ и въ знакомствѣ, за исключеніемъ Аганова, съ лицами, арестованными въ д. Кисина, призналъ однако, что онъ жилъ на фабрикѣ Зубкова рабочимъ, объясняя это тѣмъ, что ему стыдно было жить въ Москвѣ послѣ того, какъ онъ былъ арестованъ по политическому дѣлу.

II.

Изъ переписки, отобранной у арестованныхъ въ Иваново-Вознесенскѣ лицъ, видно, что, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1875 г., въ г. Тулѣ проживалъ на заводѣ одинъ изъ членовъ преступнаго сообщества нѣкто Злобинъ, занимаясь преступной пропагандой, что Злобинъ имѣлъ непосредственное сношеніе съ Москвой и другими членами того же сообщества и что пропагандисты на столько дорожили Злобинымъ, что боялись его потерять. Съ другой стороны, та же переписка доказываетъ, что московское управленіе общины считало недостаточнымъ пребываніе въ Тулѣ одного Злобина, а желало образовать въ Тулѣ общину, подобную Иваново-Вознесенской; для чего предполагалось командировать въ Тулу изъ Одессы Ольгу и Ванюшу, или же взять кого нибудь изъ ивановской общины. Послѣднее по времени письмо удостовѣряетъ, что въ Тулу направлена именно Ольга.

Вслѣдствіе таковыхъ указаній въ г. Тулѣ былъ арестованъ *сынъ коллежскаго ассесора Иванъ Андреевъ Злобинъ*, по обыску у него произведенному найденъ былъ только списокъ книгъ преступнаго содержанія, но самыхъ книгъ, а равно и ничего предосудительнаго найдено не было.

Оказалось однако, что Злобинъ служилъ до самого ареста на тульскомъ оружейномъ заводѣ простымъ рабочимъ, слесаремъ, и что со времени появленія Злобина на заводѣ между рабочими появились книги, изъятыя изъ обращенія и запрещенныя, какъ напр. «Міркой учетъ», «Люди прежде и теперь» и «Юровая». Эти книги были представлены рабочими начальнику завода Генералъ-Лейтенанту Нотбекъ.

По показанію 15 человѣкъ мастеровыхъ завода и въ томъ числѣ Гаврилы Алферова, Василія Мансурова и Михаила Милованова, Иванъ Андреевъ Злобинъ разновременно давалъ имъ читать «Очерки фабричной жизни», Безоброчные». «У перевоза», «Дѣдушка Егоръ», «Юровая. «О силахъ земли».

«Мірской учетъ», «Крестьянскія выборы» и «Люди прежде и теперь». Книги эти Злобинъ самъ предлагалъ рабочимъ, частью книги были старыя, а частью еще новыя, неразрѣзанныя. Давая книги Злобинъ требовалъ, чтобы ихъ возвращали ему въ руки. По поводу книгъ онъ заводилъ съ рабочими разговоры и споры, и объяснялъ рабочимъ содержаніе книгъ.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Иванъ Андреевъ Злобинъ не призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ какому либо преступному сообществу, и безусловно отрицалъ показанія свидѣтелей, утверждая, что никакихъ книгъ онъ не давалъ рабочимъ тульскаго завода.

Между тѣмъ, кромѣ переписки, отобранной въ Иваново-Вознесенскѣ принадлежность Злобина къ тому же преступному сообществу доказывается показаніями губернскаго секретаря Введенскаго, жившаго съ Злобинымъ, утверждающаго, что Злобина посѣщали Иванъ Семеновъ Фетисовъ, Григорій Зайцевъ, личность, похожая на обвиняемаго Кардашева, т. е. всѣ тѣ лица, которыя, какъ будетъ это доказано ниже, безспорно принадлежатъ къ числу членовъ преступнаго сообщества. Затѣмъ, по показанію обвиняемаго Ковалева, объ арестѣ Злобина подъ именемъ «Ваньки», ему говорила Ольга Любатовичъ, и Ковалеву извѣстно, что Злобинъ принадлежалъ къ компаніи пропагандистовъ.

Живній вмѣстѣ съ Злобинымъ чиновникъ Введенскій представилъ три письма, полученныя имъ для передачи Злобину. Въ одномъ изъ нихъ отъ 26 августа, писаннымъ обвиняемымъ Млодецкимъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже, Млодецкій спрашиваетъ о томъ «пріѣхали ли тѣ которыхъ ты знаешь» и этотъ вопросъ, очевидно, касается пріѣзда изъ Кіева въ Тулу пропагандистовъ, образовавшихъ тульскую общину.

Послѣ ареста и отсылки Злобина въ Москву, 7 сентября 1875 г., къ Полицеймейстеру г. Тулы явился солдатскій сынъ *Василій Онуфріевъ Ковалевъ* и заявилъ, что въ домѣ Кузовлева проживаетъ Никаи Махоткина, у которой собираются лица, пропагандирующія преступныя идеи среди рабочихъ и что онъ, Ковалевъ, самъ принадлежитъ къ этому обществу.

Вслѣдствіе такого заявленія Ковалева, въ домѣ Кузовлева былъ произведенъ обыскъ, по которому, въ квартирѣ дочери губернскаго секретаря Александры Махоткиной, были задержаны, кромѣ послѣдней, крестьяне Николай и Иванъ Клюевы, Григорій Зайцевъ и Иванъ Семеновъ Фетисовъ. По обыску въ квартирѣ Махоткиной найдено 12 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія, бѣлье и крестьянское платье, все это было уложено въ особый чемоданъ. Такія же книги найдены были и въ другомъ чемоданѣ, который былъ принятъ Григоріемъ Зайцевымъ за принадлежащій ему.

Кромѣ того у Махоткиной отобрано было запечатанное письмо, спрятанное ею подъ платьѣ. Квартира въ домѣ Кузовлева было нанята Махоткиной вмѣстѣ съ братомъ ея Петромъ, успѣвшимъ, во время обыска, скрыться вмѣстѣ съ другимъ лицемъ, называвшимся Герасимомъ Петровымъ.

Письмо, отобранное у Махоткиной и ею писанное, было адресовано въ Кіевъ на имя какой-то Гельфманъ, для передачи Вѣрѣ Глѣбовой. Письмо это шифровано, а по разборѣ шифра оказалось слѣдующаго содержанія: «Ты переврала адресъ, деньги нельзя получить, пришли имя и адресъ пославшаго, тогда выдадутъ деньги. Василій такъ болтаетъ о томъ: откуда пріѣхалъ, гдѣ бралъ книги, знакомится съ такою сволочью, что не нынче— завтра влопаетъ насъ и разскажетъ все, что знаетъ о васъ. Совѣтую вамъ перемѣнить квартиру. Пиши адресъ».

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Василій Онуфріевъ Ковалевъ показалъ слѣдующее:

Весною и лѣтомъ 1875 года, онъ работалъ въ г. Кіевѣ, на сахарномъ заводѣ. На томъ же заводѣ былъ работникъ по имени Герасимъ Петровъ. Этотъ Петровъ часто носилъ на заводъ книги преступнаго содержанія— «Хитрую механику», «Сказку о 4 братьяхъ», «Сказку о копѣйкѣ», «газету Работникъ» и давалъ читать какъ ему, Ковалеву, такъ и другимъ рабочимъ. Нѣсколько времени спустя, Петровъ познакомилъ его, Ковалева съ тѣми лицами, отъ которыхъ Петровъ получалъ упомянутыя книги. Лица эти были: какой-то Иванъ, Марья, Николай Степановъ съ женой, Прохоръ, Михайло, какой-то офицеръ Петръ, который на службу ходилъ въ формѣ, а въ компанію приходилъ въ рабочей блузѣ, Григорій Зайцевъ и акушерка Гельфманъ. Познакомившись съ ними Ковалевъ узналъ, что они принадлежатъ къ какому-то тайному обществу, желающему возбудить народъ къ бунту, уничтожить правительство, чиновниковъ, дворянъ, баръ, купцовъ и оставить однихъ мужиковъ, подѣливъ между послѣдними всю землю. Убѣждая Ковалева бросить работу на заводѣ, лица эти говорили, что дадутъ ему свою работу и отправятъ его въ Тулу на пропаганду. Когда онъ согласился на это, то ему было объявлено, что онъ поѣдетъ въ Тулу съ Герасимомъ Петровымъ. Изъ Кіева въ Тулу Ковалева съ Петровымъ отправляли Прохоръ, Михайла и какая-то княгиня Марья. Эта княгиня дала Петрову адресъ въ Тулу, по которому надо было узнать, гдѣ имъ можно остановиться. Адресъ этотъ оказался адресомъ квартиры Злобина. Затѣмъ имъ было вручено по 5 руб. на дорогу и на билеты до Тулы. При нихъ Прохоръ и Михайло составили фальшивые паспорты и вручили имъ для предъявленія въ Тулѣ. Деньги на дорогу выдавалъ Прохоръ изъ ихъ общественной кассы, которая обыкновенно хранилась у офицера Петра. Пріѣхавъ въ Тулу Герасимъ Петровъ

ходилъ по адресу, данному княгиней Марьей. Не заставъ тамъ никого дома, Петровъ и Ковалевъ пошли къ оружейному заводу дожидаться, когда рабочіе пойдутъ обѣдать. Въ это время съ завода вышелъ Петръ, котораго Ковалевъ зналъ еще въ Кіевѣ подъ именемъ Ваньки. Петръ, предупредивъ Ковалева о томъ, чтобы онъ не называлъ его Ванькой, привелъ ихъ на квартиру, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ Махоткиной. На той же квартирѣ жили два брата Едуковыхъ, какой-то Гриша и Иванъ Фетисовъ. Марью (такъ называли въ Тулѣ Махоткину) Петръ звалъ сестрой, а про Едуковыхъ говорилъ, что это хорошіе люди, грамотные, сразу узнали всѣ ихъ дѣла, которыя они и поведутъ теперь вмѣстѣ. Къ вечеру того же дня Петръ нашелъ для Герасима Петрова и Ковалева квартиру въ домѣ Куракова. Герасимъ Петровъ вскорѣ уѣхалъ на фабрику въ село Панино, гдѣ находился уже Иванъ Семеновъ Фетисовъ, а Ковалевъ остался на квартирѣ у Куракова, которому Петръ заплатилъ деньги впередъ, съ тѣмъ, что если изъ Кіева или Одессы пріѣдутъ еще рабочіе, то съ тѣхъ уже денегъ болѣе не брать. Ковалевъ прожилъ недолго у Куракова и затѣмъ переселился въ домъ Алфаговой. До отъѣзда своего Герасимъ Петровъ считалъ рабочимъ приходившимъ къ Куракову «Парова машина.» Поселившись у Куракова, Ковалевъ говорилъ первому, что присланъ изъ Кіева бунтовать народъ, на что Кураковъ сказалъ, что онъ это знаетъ и что нужно взбунтовать всю Россію. Кураковъ притомъ говорилъ, что знаетъ Фетисова, хвалилъ его и хвастался, что не выдалъ Фетисова, когда за нимъ приходили жандармы. Все это общество постоянно собиралось въ квартирѣ Махоткиной. Тамъ рабочимъ читались книги. Ковалевъ слышалъ какъ Едуковы поочередно читали вслухъ «Хитрую механику». По пріѣздѣ Ковалева изъ Кіева, Махоткина говорила ему, что въ Тулѣ поймали недавно Ваньку, котораго арестовали и отправили въ Москву. Въ Тулѣ Махоткина дала Ковалеву «Хитрую механику» и «Сказку о 4-хъ братьяхъ» для того, что-бы онъ постарался передать ихъ рабочимъ. Книги эти Ковалевъ отдалъ какимъ-то сапожникамъ; когда же онъ, Ковалевъ, сталъ въ другой разъ просить у Махоткиной книгъ, то Махоткина укоряла его въ томъ, что онъ даетъ книги рабочимъ, не узнавши ихъ сначала хорошенько. Ковалеву извѣстно, что на квартирѣ, гдѣ жилъ Злобинъ, былъ какой-то нужный Петру Кіевскій адресъ. Послѣ сдѣланнаго Ковалевымъ заявленія полиціи, Кураковъ упрекалъ за это Ковалева, говоря, что это не поможетъ, ибо сколько ее будутъ такого народа забирать—ихъ еще болѣе будетъ и они добьются того, чего хотятъ.

Показаніе Василія Ковалева имѣло себѣ полное подтвержденіе въ обстоятельствахъ дѣла, обнаруженныхъ дознаніями, произведенными въ Кіевѣ и Тулѣ.

Такъ, по показанію домохозяина г. Тулы крестьянина Михаила Родіонова, Махоткина, имѣя съ братомъ своимъ Петромъ, прожили у него съ

21 по 30 августа, причемъ Махоткина называлась Марьей и говорила, что пріѣхала въ Тулу изъ Кіева. Съ ними на квартирѣ жили еще два человѣка, **по словамъ Махоткиной нахлѣбники.**

Съ 4 сентября Махоткина переселилась въ домъ Ковалевыхъ, по показанію которыхъ она жила съ братомъ съ нимъ Петромъ и товарищемъ послѣдняго. Ходила она въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, была постоянно дома, готовила кушанье и ходила за водой, мужчины же уходили на работу. Всѣ они выдавали себя за простыхъ рабочихъ.

По показанію обвиняемаго Ивана Александрова Куракова, лѣтомъ 1875 г., у него жилъ Иванъ Семеновъ Фетисовъ около 2-хъ мѣсяцевъ и затѣмъ уѣхалъ на работу въ село Панино. Послѣ Фетисова, въ его комнатѣ, поселились рабочіе Василій и Герасимъ. Къ Фетисову ходили Николай и Иванъ Едуковы и какой-то Петька, называвшійся братомъ Махоткиной.

Кромѣ того, жившій въ одно время съ Фетисовымъ въ домѣ Куракова, крестьянинъ Павелъ Дороговъ показалъ, что у Куракова нѣсколько дней прожили Григорій Зайцевъ и Петръ. Фетисовъ въ скоромъ времени уѣхалъ съ Григоріемъ въ село Панино, оставивъ за собою комнату, а Петръ перешелъ къ Махоткиной. У Фетисова, при участіи Куракова, часто собирались рабочіе человѣкъ по 5-ти, въ томъ числѣ Петька, Гришка, Герасимъ Петровъ и по долгу за чаемъ шумѣли и говорили, о трудовой жизни рабочихъ. Дороговъ слышалъ разъ, какъ Герасимъ Петровъ въ этой компаніи читалъ книгу на малороссійскомъ языкѣ. Эта компанія считала Фетисова за адвоката изъ старшихъ. Фетисовъ уговаривалъ и Дорогова пристать къ ихъ компаніи, но Дороговъ, услыхавъ разъ отъ Фетисова замѣчаніе о томъ, что **«иконы деревяшки», прекратилъ съ нимъ всякія сношенія.**

Какое значеніе для пропагандистовъ имѣла квартира Куракова видно изъ того, что бѣжавшій, во время обыска у Махоткиной, обвиняемый Герасимъ Петровъ цѣлый день скрывался у Куракова, что удостовѣрено показаніемъ **свидѣтельницы Елисаветы Григорьевой.**

Затѣмъ хозяйка послѣдней квартиры Ковалева Алифанова и жилецъ ея Дмитрій Матѣевъ объяснили, что Ковалевъ мало бывалъ дома. На разспросы куда онъ ходитъ, Ковалевъ отвѣчалъ, что на Панинскую улицу, гдѣ у него живутъ товарищи и хвалился, что у нихъ есть хорошія книги. Матѣевъ, прочитавъ привезенную ему Ковалевымъ «Сказку о четырехъ братьяхъ», бросилъ ее и сказалъ, что на эту книгу стоитъ наплевать. По поводу этой книги, Ковалевъ завязалъ споръ съ Матѣевымъ, доказывая, что Богаи Св. мощей нѣтъ. При этомъ Ковалевъ говорилъ, что всѣ они, пріѣхавшіе въ Тулу, принадлежатъ къ одному тайному обществу, которое не признаетъ Царя и раз-

сылаетъ своихъ людей въ разныя мѣста бунтовать народъ. Когда это общество, по словамъ Ковалева, «настанетъ» и бунтъ удастся, то никто податей платить не будетъ, земля раздѣлится по-ровну между всѣми и вмѣсто Царя будетъ выборный отъ народа. Съ цѣлію бунтовать народъ прислана въ Тулу и ихъ компанія. Про Марью Ковалевъ говорилъ, что она барышня богатая, но зовется просто «Машкой», ибо между ними это такъ принято. На всѣ доводы Ковалева, Матвѣевъ доказывалъ ему, что всѣ эти розказни пустяки, что ничего подобнаго въ Россіи произойти не можетъ и совѣтовалъ ему бросить глупости, заниматься дѣломъ, а о своихъ преступныхъ товарищахъ довести до свѣдѣнія полиціи, что Ковалевъ, послѣ нѣкотораго колебанія, и сдѣлалъ. Кураковъ, дѣйствительно, при свидѣтелѣ, упрекалъ Ковалева за сдѣланное имъ заявленіе полиціи и упрекалъ его именно въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ о томъ показалъ Ковалевъ.

Свѣдѣнія такого же рода получены были отъ свидѣтеля, допрошеннаго въ г. Воронежѣ, куда 2 сентября пріѣзжалъ за своими вещами обвиняемый Николай Ецуковъ. По показанію Щукина Николай Ецуковъ, разсказывая о своей тульской жизни, говорилъ: жизнь наша хорошая, хозяйка, у которой мы живемъ, бѣдовая, богатая, читаетъ намъ книги—все запрещенныя, противу-правительственныя, получаетъ она жалованье отъ тайнаго общества, которому служитъ.

Въ виду изложенныхъ выше данныхъ, доказывающихъ, что Иванъ Фетисовъ съ Григоріемъ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ ѣздилъ на работу въ село Панино, произведено было дознаніе объ ихъ пребываніи въ этомъ селѣ и по дознанію оказалось, что Иванъ Фетисовъ съ Григоріемъ Зайцевымъ поступили на заводъ въ село Панино 22 августа, а Герасимъ Петровъ 3 сентября, и что затѣмъ всѣ трое 7 сентября оставили заводъ.

По показанію рабочихъ панинскаго завода Михаила Шильникова, Андрея Оськина и Михаила Кукина.—Фетисовъ, Зайцевъ и Петровъ жили съ ними на одной квартирѣ. Всѣ трое выдавали себя за родственниковъ, были между собою очень дружны и о чемъ-то часто шушукались. У нихъ былъ одинъ общій сакъ-вояжъ и, какъ свидѣтели полагаютъ, въ немъ были книги. Заключаютъ они это изъ того, что разъ какъ-то Фетисовъ поругался съ Зайцевымъ за то, что послѣдній требовалъ у Фетисова книгъ для раздачи рабочимъ, а Фетисовъ говорилъ что этого нельзя сдѣлать, впрочемъ свидѣтель Кукинъ самъ видѣлъ у нихъ «Очерки фабричной жизни», «Дѣтушка Егоръ.» Разъ какъ-то Фетисовъ разсказывалъ вслухъ «Сказку о 4-хъ братьяхъ». Фетисовъ держалъ сторону Зайцева и Петрова и, однажды, отобралъ у нихъ какое-то письмо, которое они куда-то хотѣли отправить. Всѣ трое часто въ разговорахъ вспоминали о какомъ-то Петрушкѣ и Марьѣ.

По справкамъ оказалось, что Петька, называвшій себя за брата Махоткиной проживалъ въ Тулѣ по паспорту крестьянина Петра Сидоренко и какъ его паспортъ, такъ и паспорты Зайцева и Ковалева оказались фальшивыми и написанными обвиняемыми по кіевскому дознанію Григоріемъ Александровымъ и Млодецкимъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Это обстоятельство снова подтверждаетъ заявленіе Ковалева о фабрикаціи въ Кіевѣ подложныхъ паспортовъ.

Доказательствомъ тому, что Александра Махоткина, она же Марья, проживала въ Кіевѣ, не смотря на полное съ ея стороны отрицаніе этого обстоятельства, служатъ наведенныя въ Кіевѣ справки, изъ которыхъ видно, что Махоткина прожила въ Кіевѣ въ «Гранд'-Отель» съ 13 по 17 мая 1875 г. и въ гостинницѣ «Россія» съ 7 по 9 августа; книгникъ послѣдней изъ нихъ призналъ въ Махоткиной именно то лицо, которое подъ этимъ именемъ останавливалось въ гостинницѣ. На свидѣтельствѣ костромского полицейскаго управленія на имя Махоткиной имѣется явка этого свидѣтельства въ полиціи г. Кіева 13 мая и 7 августа; затѣмъ съ 14 по 20 августа Александра Махоткина, а по показаніе свидѣтелей Голубева и Горшкова, именно то лице, которое арестовано въ Тулѣ, проживала въ Москвѣ въ 171 номерѣ гостинницы Попова и 20 августа выбыла изъ гостинницы вмѣстѣ съ Зайцевымъ и другимъ лицемъ, называвшимся ея братомъ.

Съ другой стороны, изъ показанія дворянки Елисаветы Хоржевской видно, что она, лѣтомъ 1875 г., познакомилась въ Одессѣ съ дѣвицей, называвшейся Ольгой. Ольга пріѣхала къ ней какъ знакомая сестры ея Александры Хоржевской (княгини Циціановой). Въ августѣ мѣсяцѣ, съ разрѣшенія своего отца, Елисавета Хоржевская поѣхала въ Петербургъ для поступленія въ родовспомогательное заведеніе. Ольга же предложила проводить ее до Москвы. Въ Кіевѣ, онѣ остановились, по приглашенію Ольги, у Гельфманъ. Ольга уѣхала въ Москву и просила Хоржевскую заѣхать къ ней и привести съ собой для Ольги два крестьянскихъ сарафана, сказавъ, что она остановится въ гостинницѣ Кокорева подъ именемъ Махоткиной. Хоржевская, осмотрѣвъ Кіевъ, поѣхала въ Москву, но Ольги уже не застала, ей сказали, что она уѣхала съ двумя какими-то молодыми людьми. Узнавъ, что она опоздала, для поступленія въ заведеніе, Хоржевская вернулась и заѣхала въ Кіевъ, гдѣ въ это время была ея сестра. Два сарафана, найденные у нея, принадлежатъ Ольгѣ.

Все вышеизложенное, несомнѣнно, указывало на то, что личность, именующаяся Александрою Махоткиною проживаетъ по виду ей непринадлежащему; вслѣдствіе чего были приняты мѣры отыскать Александру Ма-

хоткину, которая и была найдена въ г. Твери, гдѣ состоитъ акушеркой при здѣшней больницѣ. По предъявленіи акушеркѣ Махоткиной свидѣтельства костромскаго полицейскаго управленія, Махоткина признала его за принадлежащее ей и ею утраченное гдѣ-то, еще въ сентябрѣ 1874 г. Въ фотографической карточкѣ Марья Махоткина признала одну изъ тѣхъ дѣвицъ, съ которыми она слушала курсъ акушерства въ С.-Петербургѣ, въ калинкинской больницѣ.

По предъявленіи женщины, арестованной въ Тулѣ, коллежскому ассесору Любатовичу и его женѣ, они признали въ ней: первый—свою родную дочь, а вторая—падчерицу Ольгу Любатовичъ.

Привлеченная къ дознанію дочь коллежскаго ассесора *Ольга Спиридонова Любатовичъ*, выдавая себя за Махоткину до того времени, пока не была признана своимъ отцомъ и мачихой, сначала утверждала, что жила въ Одессѣ и Кіевѣ и пріѣхала въ Тулу къ своему брату Петру, съ которымъ и поселилась, затѣмъ отказавшись отъ того, что она проживала въ Кіевѣ, уклонилась дать разъясненіе о цѣли, съ которой она пріѣхала въ Тулу, а равно и отказалась отъ всякого знакомства съ кѣмъ либо изъ лицъ, привлеченныхъ къ дознанію. При дальнѣйшемъ развитіи дознанія, Ольга Любатовичъ, въ виду собранныхъ противъ нея уликъ, нѣсколько измѣнила свои показанія и объяснила, что Петръ Сидоренко ей не братъ, а называла его такъ, ибо ей, какъ дѣвушкѣ, неудобно было жить съ лицомъ ей постороннимъ. Съ Сидоренкой она знакома была 2 мѣсяца, въ Кіевѣ и, затѣмъ, когда онъ уѣхалъ въ Тулу на работу, то пригласилъ ее письмомъ пріѣхать въ Тулу для того, чтобы вмѣстѣ держать квартиру и нахлѣбниковъ. Поселившись въ Тулѣ, она познакомилась съ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ, какъ знакомыми Сидоренко. Вещи и книги, найденныя въ ея квартирѣ, принадлежатъ ей и Сидоренко. Объ отобранномъ у ней видѣ на жительство на имя Махоткиной, Любатовичъ показала, что нашла его случайно въ вагонѣ желѣзной дороги.

Затѣмъ назвавшійся при арестѣ крестьяниномъ Григоріемъ Петровымъ Зайцевымъ, объявилъ, что онъ дворянинъ кіевской губерніи *Григорій Петровъ Спиридовъ*. Изъ кіевской военной гимназіи, въ мартѣ 1875 г., съ цѣлію уйти отъ родителей, занятія слесарнымъ ремесломъ и самому зарабатывать хлѣбъ, онъ добылъ отъ знакомаго ему Михайлы паспортъ на имя Зайцева и съ нимъ пріѣхалъ въ Тулу. Михайло, выдавая ему паспортъ, говорилъ, что бы съ нимъ быть осторожнѣе и предлагалъ ему, Сидоренкому, денегъ на дорогу, но онъ отъ этого отказался. Пріѣхавъ въ Тулу 7 сентября, Сидоренкій, въ трактирѣ, познакомился съ Ковалевымъ, который привелъ его къ женщинѣ Марьѣ, гдѣ онъ и былъ въ тотъ же день арестованъ. Какъ попали къ нему въ сакъ-вояжъ книги, онъ не знаетъ и они ему не принадлежатъ.

Обвиняемый крестьянинъ *Иванъ Семеновъ Фетисовъ* объяснилъ сначала, что онъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1875 г., уѣхалъ съ родины на заработки. Въ Тулѣ, въ кабакѣ, онъ, случайно, познакомился съ Иваномъ Едуковымъ, съ которымъ зашелъ въ трактиръ. Изъ трактира Фетисовъ пошелъ искать себѣ квартиру и случайно попалъ въ ту квартиру, гдѣ производился обыскъ и гдѣ его задержали.

Уличенный наведенными справками въ томъ, что онъ ушелъ съ родины въ 1870 г., жилъ сначала въ Петербургѣ, гдѣ былъ знакомъ съ арестованнымъ по этому же дѣлу Злобинымъ и что съ 13 мая 1875 г. онъ поступилъ слесаремъ въ тульскую паровозную мастерскую. Иванъ Фетисовъ, признавъ эти факты, показалъ, что въ концѣ августа онъ жилъ на панлисскомъ сахарномъ заводѣ, гдѣ будто бы познакомился съ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ, въ квартиру же Махоткиной пришелъ потому, что знакомъ съ Едуковымъ по паровозной мастерской. Отъ всякаго участія въ пропагандѣ Фетисовъ отказался.

Затѣмъ обвиняемые крестьяне Иванъ и Николай Ивановы Едуковы показали, что они, около Пасхи 1875 г., перешли на работу изъ Воронежа въ Тулу, такъ какъ въ Воронежѣ уменьшили заработную плату. Въ мастерской въ Тулѣ, они познакомились съ какимъ-то Петромъ Махоткинымъ, который и пригласилъ ихъ къ знакомой Махоткину женщинѣ Маріѣ въ нахлѣбники. 2 сентября Николай Едуковъ уѣхалъ въ Воронежъ за своими вещами и вернулся только 7 сентября въ день ареста. Ковалева и Зайцева они совсѣмъ не знаютъ. Бывали ли у Махоткина сборища — тоже не знаютъ, въ пропагандѣ не участвуютъ и никакихъ преступныхъ разговоровъ въ квартирѣ Махоткина не слыхали.

Допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, по показаніямъ Ковалева, Матвѣева и Григорьевой, мѣщанинъ Иванъ Кураковъ не призналъ себя виновнымъ ни въ томъ, что принадлежалъ къ сообществу пропагандистовъ, ни въ томъ, что зналъ о существованіи лицъ, занимающихся преступной пропагандой.

Не смотря на принятыя мѣры, лица, назвавшіеся Петромъ Сидоренко и Герасимомъ Петровымъ, розысканы не были.

III.

Изъ переписки, отобранной у обвиняемыхъ въ Иваново-Вознесенскѣ, видно, что, лица, проживавшія въ Москвѣ и Иваново-Вознесенскѣ, принадлежавшія къ одному и тому же преступному сообществу, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ членами общины, живущими въ Кіевѣ. По показанію обвиняемаго Семена Агапова, ему извѣстно было, что хохлачка Өеклуша (Александра Хоржевская, она же княгиня Цицианова) занимала пре-

ступной пропагандой въ Кіевѣ въ то время, когда Агаповъ съ другими обвиняемыми жилъ въ Иваново-Вознесенскѣ. По обыску въ Тулѣ у обвиняемой Ольги Любатовичъ было отобрано письмо приготовленное ею къ отправкѣ въ Кіевъ на имя акушерки Гельфманъ. По показанію Ковалева, въ Кіевѣ, дѣйствительно существовалъ кружокъ людей, поставившихъ себѣ задачей не только распространеніе книгъ преступнаго содержанія, но и пріобрѣтавшихъ новыхъ членовъ для своей общины, разсылая ихъ по другимъ губерніямъ. Какъ на членовъ такого кружка, Ковалевъ указалъ на княгиню Марью, офицера Петра, у котораго хранилась касса общины, Прохора, Михайлу и Герасима Петрова. Эти лица, какъ утверждаетъ Ковалевъ, уговорили его ѣхать для пропаганды въ Тулу и снабдили его и Герасима Петрова деньгами на проѣздъ, адресами въ Тулу и фальшивыми паспортами. Личность, назвавшаяся Михаиломъ, снабдила фальшивымъ паспортомъ и обвиняемаго Сидорацкаго.

Въ силу таковыхъ обстоятельствъ дѣла, у акушерки Гельфманъ, въ г. Кіевѣ, былъ произведенъ обыскъ, но ничего предосудительнаго у Гельфманъ найдено не было. Въ числѣ книгъ, принадлежащихъ Гельфманъ, найдена книжка изъ библіотеки Донцова на имя Глѣбовой. При обыскѣ Гельфманъ отказалось отъ знакомства съ Глѣбовой.

Между тѣмъ показаніями квартирной хозяйки, у которой жила Гельфманъ, Марьи Казимировой и дочери ея Александры, было обнаружено, что у Гельфманъ ежедневно собирается очень много молодыхъ людей и женщинъ и что Гельфманъ ведетъ значительную переписку. Вслѣдствіе этого за квартирой Гельфманъ былъ учрежденъ надзоръ и въ этой квартирѣ въ самый день обыска были задержаны: неизвѣстнаго званія человѣкъ, отказавшійся назвать себя, мужчина, назвавшійся Михаиломъ Степановымъ Петровымъ и женщина Марья Горощенкова.

Затѣмъ послѣ ареста Гельфманъ, на ея имя, для передачи Вѣрѣ Григорьевны, были получены два письма. Одно изъ Москвы отъ 10 сентября такого содержанія: «ждутъ съ нетерпѣньемъ кого-нибудь къ себѣ на подмогу. Напишите отъ себя Рыжему, чтобы онъ непремѣнно пріѣзжалъ, измѣнивъ предварительно свой наружный видъ и приведя въ свѣдѣніе, что по прежнимъ мѣстамъ жительства ходить не надо. on le cherche... Черезъ нѣкоторое время я вамъ сообщу квартиру, на которую можно будетъ явиться. Пиши сейчасъ, по полученіи сего письма, получила ли деньги и сколько на адресъ Миньe. Мутруку напиши тоже, чтобы пріѣхалъ, но только не на этотъ адресъ, а пошелъ бы къ Миньe, гдѣ узнаетъ мой адресъ. Была вчера у Ольги, она слава Богу жива и здорова. Волченокъ шлетъ поклонъ. Пришли, напиши одесскій адресъ немедленно. Je suis seule. Пусть

извѣстить Эсельяни, чтобы онъ остерегался всего дурнаго.» Письмо это частію было зашифровано. Другое письмо, полученное на имя Вѣры Григорьевны было адресовано изъ Орла и къ нему приложено 300 р. денегъ. Письмо такого содержанія: «Посылаю Вамъ триста руб., а Вы перешлите тому, кому слѣдуетъ.» Подписано, «Воейкова.»

Кромѣ того къ дѣлу была вытребована депеша, посланная въ Кіевъ изъ Одессы отъ имени Аристаховой, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. Депеша эта слѣдующаго содержанія: «Кіевъ. Большая Васильевская, домъ Ткаченко, Гельфманъ. Вѣра не присылай сюда ни одного письма, я уѣзжаю, скоро вышлю свой адресъ».

По заключенію экспертовъ какъ оба приведенныя выше письма, такъ и депеша писаны Надеждой Субботиной, принадлежность которой къ московской общинѣ доказывается обстоятельствами дѣла ниже изложенными.

Сопоставивъ эти письма и депешу Надежды Субботиной съ обстоятельствами дѣла, обнаруженными дознаніями въ Тулѣ и Иваново-Вознесенскѣ, получится полное доказательство тому, что лица, составлявшія кіевскую общину принадлежатъ къ одному, сообществу съ общинами ивановской и тульской, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполнѣ опредѣлится характеръ квартиры акушерки Гельфманъ, какъ мѣста, гдѣ сосредоточивались взаимныя сношенія другихъ общинъ съ общиною кіевскою.

Допрошенная по обстоятельствамъ дѣла, мозырская мѣщанка Геся Мироновна Гельфманъ показала, что она окончила курсъ акушерства въ 1874 году, жила одна и никого въ Кіевѣ знакомыхъ не имѣетъ, а равно не знаетъ тѣхъ лицъ, которыя были арестованы въ ея квартирѣ. Затѣмъ при дальнѣйшихъ допросахъ Гельфманъ измѣнила свое показаніе и объяснила, что подъ именемъ Вѣры Григорьевны она знала какую-то молодую женщину, съ которой познакомилась въ ботаническомъ саду, въ августѣ мѣсяцѣ 1875 г. Уѣзжая изъ Кіева Вѣра Григорьевна взяла ея адресъ съ цѣлью переписываться и этимъ только Гельфманъ объясняетъ полученіе ею писемъ на имя Вѣры Григорьевны.

По предъявленіи трехъ лицъ, задержанныхъ въ квартирѣ Гельфманъ, обвиняемому Ковалеву, этотъ послѣдній призналъ въ нихъ именно тѣхъ лицъ, о которыхъ онъ заявилъ въ Тулѣ. Такъ невѣстнаго человѣка Ковалевъ призналъ за Прохора, Михаила Петрова—за Михаилу и Марью Горошенкову—за княгиню Марію.

Назвавшійся Михаиломъ Петровымъ на первомъ допросѣ показалъ, что онъ крестьянинъ черниговской губерніи, сосницкаго уѣзда, дер. Ива-

новки и живетъ въ Кіевѣ съ своей беременной сестрой Натальей, которой понадобилась помощь акушерки, вслѣдствіе чего онъ пришелъ къ Гольфманъ, гдѣ и былъ задержанъ.

На другой день послѣ ареста, Михаилу Петрову было предложено указать его квартиру и онъ привелъ въ домъ Котикова.

По осмотру означенной квартиры, живущихъ въ ней не оказалось, а найдено было много изорванной бумаги. По показанію хозяина дома Котикова. Петровъ жилъ съ какимъ-то товарищемъ и беременной женщиной, которая въ день ареста Петрова ночью съ квартиры неизвѣстно куда скрылась.

Между тѣмъ дознано было, что передъ переѣздомъ въ д. Котикова, Михаилъ Петровъ съ своимъ товарищемъ проживалъ съ 15 іюля до 19 августа въ квартирѣ Анны Продьминой, а конецъ августа вмѣстѣ съ тѣмъ же товарищемъ и еще съ какой-то женщиной въ домѣ Вѣтровой.

Михаилъ Петровъ, неизвѣстный человѣкъ и Марья Горощенкова были приведены указанными выше лицами за тѣхъ, которые жили въ квартирѣ Продьминой и въ домѣ Вѣтрова, причемъ неизвѣстный человѣкъ назывался Прохоромъ.

По показанію свидѣтельницы Анны Продьминой у Петрова и Прохора каждый вечеръ бывали сборища, на которыхъ всѣ говорили тихо и двери въ комнаты всегда запирали. Въ предъявленныхъ Продьминой Ковалевѣ и обвиняемомъ Григоріи Александровѣ, Продьмина признала лицъ посѣщавшихъ Петрова и Прохора.

Съ другой стороны хозяйка дома Вѣтрова и сосѣдка по ея дому мѣщанка Богданова признали въ Горощенковой женщину, занимавшую домъ Вѣтровой и жившей у нихъ съ Петровымъ и Прохоромъ. По показанію свидѣтельницъ, всѣ эти лица прожили въ домѣ Вѣтровой одну недѣлю. Съѣхали они внезапно потому, что изъ лицъ посѣщавшихъ жильцовъ, Вѣтрова узнала свою знакомую акушерку Елисѣеву. Елисѣева была въ это время беременна.

Вслѣдъ затѣмъ было обнаружено, что личность, назвавшаяся Михаиломъ Петровымъ, часто посѣщала отставнаго штабсъ-капитана Подгородецкаго, застрѣлившагося 5 октября ранѣе возбужденія настоящаго дѣла. Кіевская мѣщанка Марья Драгунова, жившая одно время съ Подгородецкимъ, а затѣмъ постоянно его посѣщавшая признала въ Петровѣ и Прохорѣ лицъ часто бывавшихъ у Подгородецкаго. Подгородецкій говорилъ свидѣтельницѣ что эти лица—студенты и что черезъ нихъ онъ познакомился съ какимъ

то господинъ «рыжей бородой» и многими другими, что онъ, Подгородецкій, этому знакомству очень не радъ, да дѣлать нечего, когда познакомилъ. Студенты приносили Подгородецкому читать книги «Богъ то Богъ, да самъ не будь плохъ». «Сказку о копѣйкѣ». «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и др. Подгородецкій получалъ письма на имя Петрова и передавалъ **ихъ Петрову при его посѣщеніяхъ.**

Вслѣдствіе указанія Драгуновой на то, что оба арестованныя въ квартирѣ Гельфманъ лица—студенты, было обнаружено ихъ званіе и оказалось, что оба они бывшіе студенты Петровской—Земледѣльческой Академіи. Изъ нихъ Михаилъ Петровъ, проживавшій по паспорту крестьянина калужской губерніи, жиздринскаго уѣзда, тростской волости—отставной подпоручикъ артиллеріи Михаилъ Воронковъ, а второй извѣстный подъ именемъ Прохора, дворянинъ Мартынъ Александровъ Млодецкій.

Затѣмъ назвавшійся Михаиломъ Петровымъ, признавая свое званіе, объяснилъ, что выйдя въ 1873 г. въ отставку, онъ поступилъ въ Петровскую Академію, откуда вышелъ, не окончивъ курса въ 1874 г. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни и въ тоже время желая изучить бытъ рабочихъ, Воронковъ досталъ себѣ за три рубля фальшивый паспортъ съ которымъ и прожилъ въ Кіевѣ, работая на желѣзной дорогѣ и въ мастерскихъ. На работѣ онъ познакомился съ Мартыномъ Млодецкимъ и поселился съ нимъ и знакомой Млодецкаго Натальей Егоровой. Кто такой Млодецкій и Егорова, онъ Воронковъ не скажетъ. Съ Млодецкимъ бывалъ у Подгородецкаго и давалъ ему читать книги дозволенныя цензурой. Воронковъ получалъ отъ своего брата письма чрезъ Подгородецкаго.

Съ своей стороны дворянинъ Мартынъ Млодецкій показалъ, что живетъ въ Кіевѣ съ лѣта 1875 г., ранѣе сего пріѣзжалъ въ Кіевъ нѣсколько разъ и разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ, но гдѣ именно и у кого въ Кіевѣ останавливался не скажетъ. Гельфманъ знаетъ и бывалъ какъ у знакомой. Адресъ Гельфманъ онъ, Млодецкій, получилъ отъ кого-то въ Москвѣ. Съ Михаиломъ (Воронковымъ) онъ жилъ. Наталья же Егорова жила не съ нимъ Млодецкимъ, а съ Михаиломъ. Знаетъ Млодецкій и офицера Петра живущаго на полпотѣ. Познакомился съ нимъ черезъ Гельфманъ и, по поручению Маріи, ходилъ къ офицеру Петру за полученіемъ 100 р. денегъ. За этими деньгами Млодецкій ходилъ, зная, что Петръ обязанъ былъ ихъ дать. Въ преступной пропагандѣ и въ принадлежности къ революціонному сообществу Млодецкій виновнымъ себя не призналъ, добавивъ, однако, что **можетъ быть о существованіи такого общества и слыхалъ.**

По предъявленіи Млодецкому письма отъ 26 августа, присланнаго въ Тулу обвиняемому Злобину, Млодецкій призналъ, что таковое писано имъ, но дать по этому поводу какое либо разъясненіе отказался.

Задержанная 9 сентября въ квартирѣ Гельфманъ женщина, назвавшаяся Марьей Горошенковой показала, что она дочь инженера Александра Сергѣева Хоржевская. Отецъ ея живетъ въ Одессѣ, а она пріѣхала въ Кіевъ недавно безъ особенной цѣли, только потому, что Кіевъ ей очень нравится. Въ Кіевѣ она знаетъ одну Гельфманъ, но гдѣ съ нею познакомилась— не помнитъ.

По обыску у Хоржевской найдена записная книжка, телеграфная квитанція, а въ узлѣ мужская рубашка и грязная мужская блуза. О записной книжкѣ и квитанціи Хоржевская показала, что нашла ихъ на улицѣ, а о грязномъ бѣльѣ объяснила, что получила его отъ Гельфманъ. Виновной въ принадлежности къ преступному сообществу и распространеніи книгъ, Хоржевская себя не признала, а равно и отказалась отъ совмѣстнаго съ Млодецкимъ и Воронковымъ проживательства въ домѣ Вѣтровой.

Между тѣмъ дознаніемъ обнаружено, что Александра Хоржевская, это та самая личность, которая вышла замужъ за дворянина Кинодзе, выдавая его за князя Циціанова, о чемъ будетъ сказано ниже и жила въ Сыромятникахъ у Скворцовой подъ именемъ хохлачки Ѳеклуши.

Затѣмъ, по показанію свидѣтеля Михаила и Матрены Пахилевичей, Хоржевская, въ августѣ 1875 г., вмѣстѣ съ Ковалевымъ подъ видомъ простой крестьянской дѣвушки приходили къ нимъ нанимать квартиру.

По осмотру записной книжки, найденой при Хоржевской, въ ней замѣчены адресы, записныя шифромъ и въ числѣ ихъ тульскій адресъ «Ива—у С—м—нову Криво—огов. ул. домъ Куракова» т. е. очевидно адресъ Ивана Семенова Фетисова, а сношеніе кіевскаго кружка съ Фетисовымъ еще ранѣе было удостовѣрено въ Тулѣ показаніемъ Ковалева.

Сношенія Хоржевской съ обвиняемымъ Здановичемъ, членомъ московской администраціи доказывается тѣмъ, что шифръ «бродяжникъ» «грѣховодникъ» найденый у Здановича, какъ это удостовѣрено экспертами, писанъ рукою Хоржевской (княгиней Циціановой).

Кромѣ того въ 20 числахъ августа мѣсяца, въ Москвѣ было получено изъ Кіева письмо, адресованное на имя обвиняемой по московскому дознанію Елены Медвѣдевой. Въ этомъ письмѣ несомнѣнно написанномъ Хоржевской, эта послѣдняя проситъ увѣдомить скорѣе о новомъ адресѣ квартиры въ Москвѣ, въ которой могли бы остановиться рабочіе и интеллигентные, имѣющіе пріѣхать изъ Кіева. Письмо это было зашифровано.

Въ виду показанія Василія Ковалева и Мартына Млодецкаго были приняты мѣры къ отысканію личности извѣстной подъ именемъ офицера Пет-

ра, живущаго на полигонѣ. Личность эта была розыскана и офицеръ Петръ оказался техническимъ мастеромъ 1 разряда кіевскаго полигона Григоріемъ Александровымъ Александровымъ. По произведенному у Александрова обыску у него было найдено 50 экземпляровъ книгъ и газетъ преступнаго содержанія, нѣтъ листовъ гербовой бумаги, на лѣвомъ углу которыхъ имѣются отиски фальшивыхъ печатей разныхъ полицейскихъ и волостныхъ правленій, два клочка бумаги, на которыхъ записаны шифры. «Ои франтъ» и «одному тебѣ», вырѣзанныя на деревянныхъ кружкахъ печати полицейскихъ и волостныхъ правленій, деревянный кружекъ, на которомъ еще ничего не вырѣзано, нѣсколько заостренныхъ проволокъ и желѣзная палочка, красная для печатей краска, рукопись «Разсказъ бывалаго солдата» и другая «Говоритъ честный человѣкъ, говорящій правду.»

Эксперты граверы, осмотрѣвъ печати на деревянныхъ кружкахъ, признали, что онѣ вырѣзаны неумѣлой рукой и притомъ тѣми орудіями, которыя найдены у Александрова.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Григорій Александровъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ преступному сообществу, имѣвшему цѣлію распространеніе революціонныхъ идей и книгъ въ массѣ народа, но подробныхъ по дѣлу объясненій не далъ, а показалъ, что Прохора и Марью онъ знаетъ. У него, Александрова, хранились деньги, которыя скоплялись иногда до 150 р. Деньги эти передавались ему Прохоромъ и Николаемъ (личность эта неразыскана). Прохоръ дѣйствительно бралъ у него деньги для отправки въ Тулу Герасима и Василія. Гельфманъ и Михайлу тоже знаетъ и въ обществѣ этомъ встрѣчалъ Сидорацкаго, Василія и Герасима. Самъ онъ въ обществѣ пропагандистовъ своимъ именемъ не назывался, а извѣстенъ былъ подъ именемъ Петра. Блуза и рубашка, взятыя у Хоржевской, принадлежитъ ему. Листы гербовой бумаги, фальшивыя печати, формы паспортовъ и билетовъ пріобрѣтены имъ въ кабакѣ для себя; краска куплена для мѣтки бѣлья. Рукописи приготовлены для печати, но кѣмъ писаны не скажетъ. Относительно книгъ Александровъ, отказываясь сначала указать отъ кого они имъ получены, объяснилъ затѣмъ, что онѣ переданы ему умершимъ Подгородецкимъ.

По заключенію экспертовъ паспортъ на имя Николая Егорова (скрывшагося) и письмо, взятое въ Тулѣ и начинающееся словами: «Ваше письмо получено» писаны рукой Хоржевской (кн. Циціановой). Паспортъ на имя Григорія Зайцева написанъ Александровымъ, а два другія паспорта на имя Василія Ковалева и Петра Сидоренко—Млодецкимъ.

Въ подтвержденіе показанія Василія Ковалева о томъ, что на сахарномъ заводѣ, гдѣ онъ жилъ, распространеніемъ преступнаго содержанія

книгъ занимался крестьянинъ Герасимъ Петровъ, на означенномъ заводѣ былъ произведенъ обыскъ и у рабочихъ были найдены книжки: «Богъ то Богъ», «Емелька Пугачевъ», «Сказка о копѣйкѣ», «Хитрая механика» и др. По показанію рабочихъ книги эти были принесены на заводъ Герасимомъ Петровымъ.

Наконецъ 14 сентября, Ковалевъ сдѣлалъ новое заявленіе о томъ, что къ кіевской общинѣ пропагандистовъ принадлежатъ еще крестьянинъ Родіонъ Максимовъ и дворникъ дома Денисовой Петръ Акимовъ Островъ.

Родіонъ Максимовъ по дознанію розысканъ не былъ, что же касается до крестьянина Петра Острова, то оказалось, что онъ 13 сентября т. е. наканунѣ заявленія Ковалева и черезъ 4 дня послѣ обыска у Гельфманъ скрылся изъ Кіева, захвативъ съ собою 25 руб. денегъ, данныхъ ему г. Денисовой для покупки въ аптекѣ лекарства.

Островъ былъ розысканъ на родинѣ, въ дер. Дуоровкѣ, мстиславскаго уѣзда, по произведенному у него обыску были найдены 12 преступнаго содержанія сочиненій въ количествѣ 20 экземпляровъ, и среди нихъ такія, содержаніе которыхъ не доступно пониманію простаго крестьянина, а потому и не могли быть даны Острову для прочтенія. Кромѣ того у него найдены три листа бумаги съ печатями волостныхъ правленій и съ печатью и подписью адъютанта костромскаго пѣхотнаго полка, четыре разныхъ документа на имя повивальной бабки Елисѣевой, три паспорта на имя Маріи Горощенковой, Родіона Максимова и Петра Акимова и три заграничныхъ лоттерейныхъ билета.

Спрошенный по обстоятельствамъ дознанія, крестьянинъ Петръ Островъ показалъ, что всѣ найденныя у него книги онъ получилъ отъ скрывшагося крестьянина Родіона Максимова. Книги эти даны были ему для прочтенія, а документы у него отобранные находились между книгами и газетами.

IV.

9 августа 1875 г., арестованныя въ г. Иваново-Вознесенскѣ лица препровождались изъ Иваново-Вознесенска въ г. Шую по желѣзной дорогѣ подъ жандармскимъ конвоемъ. Въ это время на Иваново-Вознесенской станціи желѣзной дороги былъ замѣченъ какой-то господинъ, который, стукнувъ въ окно вагона переговаривался знаками съ одной изъ арестованныхъ женщинъ. Вслѣдствіе этого господинъ этотъ былъ задержанъ и оказался дворяниномъ Антимозомъ Евдокимъ Гамкрелидзе, а въ числѣ женщинъ, задержанныхъ въ Ивановѣ, находилась жена его Екатерина Петровна Гамкрелидзе.

Гамкрелидзе, какъ оказалось, жилъ въ Москвѣ, въ 12 номерѣ гостинницы «Украйна». По произведенному у Гамкрелидзе обыску у него найдено было до 300 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія, рукопись «Сказка о мудрицѣ Наумовнѣ» книги, появившейся позднѣе среди пропагандистовъ уже отпечатанной, 3 револьвера, изъ которыхъ два заряженныхъ и посылка съ лекарствами на имя Бегляра Мартынова Степанова въ Шемаху.

Во время обыска въ квартиру Гамкрелидзе явился и былъ задержанъ неизвѣстный мужчина, предъявившій заграничный паспортъ на имя князя Кочакидзе. Когда обыскъ въ квартирѣ Гамкрелидзе подходилъ къ концу и о томъ составлялся подлежащій протоколъ, въ номеръ заглянули послѣдовательно неизвѣстные женщина и мужчина. Женщина была задержана, а мужчина, увидавъ жандармовъ и полицію, бросился бѣжать, но посланными за нимъ городовыми былъ задержанъ и приведенъ въ номеръ Гамкрелидзе. Неизвѣстные мужчина и женщина стали при этомъ поносить производившаго обыскъ прапорщика Ловягина неприличными словами. По окончаніи обыска, прапорщикъ Ловягинъ, поручивъ мѣстному помощнику надзирателя Ѳедорову присмотръ за арестованными лицами, съ цѣлью отправиться изъ номера Гамкрелидзе сталъ надѣвать поданную ему городовымъ шинель, въ это время неизвѣстный мужчина, вынувъ изъ кармана револьверъ, выстрѣлилъ въ г. Ловягина. Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй. Въ то же время неизвѣстная женщина бросилась на надзирателя Ѳедорова душила его за горло, стараясь освободить изъ рукъ послѣдняго стрѣлявшаго мужчину. Оба выстрѣла не имѣли дурныхъ послѣдствій, ибо обѣ пули пролетѣли мимо Ловягина ударились въ стѣнку и дверь комнаты.

Обстоятельства вышеизложенныя подтверждены показаніями Ловягина, Ѳедорова и свидѣтелей Ивана Евтихіева, Григорія Галактіонова, купца Николая Васильева, а равно и осмотромъ 12-го номера «Украйны», гдѣ найдены были въ стѣнѣ и двери слѣды пуль и самыя пули.

Неизвѣстные мужчина и женщина отказались давать какія либо показанія, причемъ стрѣлявшій въ Ловягина мужчина добавилъ, что онъ имѣлъ цѣлью убить Ловягина. Затѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ дознанія было обнаружено, что женщина, душившая Ѳедорова,—дочь коллежскаго ассесора Вѣра Любатовичъ, а мужчина, стрѣлявшій въ Ловягина—князь Александръ Цицiановъ, проживавшій въ Москвѣ, въ домѣ Толстой, подъ именемъ и по виду дворянина Зедгенидзе.

По окончаніи обыска были приняты мѣры наблюденія за появленіемъ въ 12 номерѣ «Украйны» новыхъ лицъ, причемъ задержаны были явившіе-

ся въ этотъ номеръ дочь штабсъ-капитана Евгенія Субботина вмѣстѣ съ сыномъ священника Михаиломъ Овчинниковымъ и бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванъ Рождественскій.

Арестованный въ квартирѣ Гамкрелидзе и назвавшійся княземъ Кочакидзе, заявилъ, послѣ обыска, что въ его квартирѣ остался значительный денежный капиталъ. Вслѣдствіе чего была немедлено осмотрѣна квартира князя Кочакидзе и въ ней найдено 8,545 р. кредитными билетами, билетъ с.-петербургскаго учетнаго банка на имя Тумановой въ 1100 р., записная книжка, кистень и два большихъ ключа отъ другихъ квартиръ.

Находясь подъ стражей лице, назвавшееся княземъ Кочакидзе, покушалось тайно отъ производившихъ дознаніе переслать три письма черезъ жандармскаго унтеръ-офицера Дунева. Два изъ этихъ писемъ были зашифрованы. Одно изъ нихъ предназначалось къ отправкѣ въ Одессу на имя князя Микеладзе, другое въ Орелъ на имя Афонскаго и наконецъ третье на нѣмецкомъ языкѣ было адресовано на имя Дрезденскаго почтамта. Это послѣднее письмо, подписанное фамиліей Кардашева, послужило къ обнаруженію званіе лица, именовавшагося княземъ Кочакидзе. По предъявленіи писемъ обвиняемому, онъ сознался, что его зовутъ Степаномъ Мартыновымъ Кардашевымъ, что онъ отставной коллежскій регистраторъ и числится студентомъ дрезденской политехнической школы.

Вслѣдъ засимъ произведенъ былъ обыскъ въ домѣ Толстой въ квартирѣ, именовавшагося дворяниномъ Зедгенидзе, князя Александра Ципіанова, и по обыску, въ особомъ чемоданѣ, найдено значительное количество книгъ преступнаго содержанія, переписка, письма и записки, писанныя шифрами, фальшивая печать, подложные и вытравленные виды на жительство и записныя книжки. Въ дорожной сумкѣ найдена копія съ письма, писаннаго, какъ оказалось потомъ, арестантомъ Чекоидзе и послужившая основаніемъ къ обнаруженію званія Чекоидзе, какъ о томъ сказано выше. Кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ квартиры оказались переписка, книги и прокламаціи: тамъ найденъ «Колоколъ», прокламація «Народной Расправы», прокламація на малороссійскомъ языкѣ, печать гжатской управы, револьверъ, красныя и черныя чернила, порошки и жидкость въ стклянкахъ, а также женская одежда и бѣлье, вѣнчальные цвѣты и тафта подъ ноги, употребляемая при вѣнчаніи.

Затѣмъ 19 сентября, въ Москвѣ, получена телеграмма Начальника Харьковскаго Жандармскаго Управленія о томъ, что изъ Кишинева черезъ Харьковъ въ Москву съ пассажирскимъ поѣздомъ, подъ видомъ кожевеннаго товара, отправлено три ящика революціонныхъ книгъ вѣсомъ 8 пудовъ 13 фунтовъ по квитанціи на предъявителя. Обстоятельство это сдѣлалось извѣ-

ственнымъ вслѣдствіе того, что въ предположеніи воспользоваться кожевенным товаромъ, одинъ ящикъ былъ артельщиками украденъ и замѣненъ тюкомъ съ дровами, а книги были распроданы торговцамъ, о чемъ въ Харьковѣ производится особое дѣло.

19 сентября, на станціи московско-курской желѣзной дороги, задержанъ былъ неизвѣстнаго званія человѣкъ, явившійся за полученіемъ означенныхъ трехъ мѣстъ. Этотъ неизвѣстный покушался бѣжать со станціи, но былъ задержанъ и назвался Вернеромъ. По справкамъ оказалось, что Вернеръ прибылъ въ Москву 18 сентября, остановился въ номерахъ Гурьева. Сдавъ свой чемоданъ швейцару Якову Поршакову, Вернеръ тотчасъ же ушелъ, вечеромъ заходилъ на пол-часа и болѣе не возвращался. По предъявленіи Поршакову неизвѣстнаго, задержаннаго на станціи 19 сентября, онъ былъ признанъ за того самаго Вернера, который остановился въ номерахъ Гурьева.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, неизвѣстный отказался объявить свое званіе и просилъ называть его Иваномъ Андреевымъ, объясняя, что паспортъ Вернера, у него отобранный, онъ купилъ на Хитровомъ рынкѣ.

По осмотрѣ товарныхъ мѣстъ, за полученіемъ которыхъ по накладной явился Иванъ Андреевъ, найдено въ одномъ изъ нихъ дрова, кирпичи и мусоръ, а въ другихъ двухъ до 2470 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія. Затѣмъ по обыску у самаго Ивана Андреева, кромѣ паспорта Вернера, отобранъ заряженный револьверъ, рукописная на почтовой бумагѣ «*программа дѣятельности, уставъ революціонера и организація тайнаго общества*»: на отдѣльномъ почтовомъ листѣ «*условія международнаго сношенія*», списокъ адресовъ въ Швейцаріи, Сербіи, Вѣнѣ, Моравіи и Карлсруэ, квитанція на товаръ, оказавшійся книгами преступнаго содержанія, шифръ: бродяжникъ, грѣховодникъ, завекиваніе и т. д., записная книжка, листокъ бумажки на которомъ написанъ такой расходъ: перевозчикамъ 5 р., номеръ Одесса 2 р. 50 к., номеръ Кишин. 6 р., отсылка 25 р.: письмо начинающееся словами: «признаюсь критика ваша на мое письмо вышла крайне плоха.» Въ номерѣ у Ивана Андреева найдены 2 стклянки съ жидкостями для окраски волосъ.

Иванъ Андреевъ, во время ареста, имѣлъ волосы на головѣ и усахъ темные, но по осмотру головы оказалось, что волосы крашены. Это обстоятельство подтвердилось тѣмъ, что съ теченіемъ времени волосы приняли ихъ естественный цвѣтъ съ рыжимъ оттѣнкомъ.

Иванъ Андреевъ отказался отъ того, что найденные у него бумаги принадлежатъ ему, а равно и отказался давать какія либо объясненія.

По дознанію въ г. Кишиневѣ оказалось, что всѣ три мѣста товара были отправлены однимъ лицемъ, назвавшемся Нахтѣевымъ.

Во все время производства дознанія, называвшійся Иваномъ Андреевымъ упорно скрывалъ свое имя и званіе, но тѣмъ не менѣе, было обнаружено, что онъ кавказскій уроженецъ, сынъ отставнаго штабсъ-капитана Георгій Феликсовъ Здановичъ и цѣлый рядъ лицъ, допрошенныхъ по этому поводу на Кавказѣ удостовѣрилъ его званіе.

Въ виду подобнаго удостовѣренія и самъ Иванъ Андреевъ призналъ себя за Здановича.

Изъ числа лицъ, знавшихъ Здановича, бывшій воспитанникъ Технологическаго Института Николай Дмитріевъ показалъ, что онъ зналъ Здановича еще въ 1871 г. и встрѣчалъ его въ Петербургѣ у обвиняемаго Ивана Джабадари, у котораго въ то же время бывалъ и Чекоидзе. Товарищи и знакомые звали Здановича «*Рыжимъ*». Здановичъ этимъ названіемъ не обижался и оно обратилось въ кличку, усвоенную самимъ Здановичемъ до того, что онъ въ письмахъ подписывался Георгіемъ Рыжимъ. Лѣтомъ 1874 г., Дмитріевъ былъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Джабадари и Чекоидзе, къ этимъ послѣднимъ Здановичъ писалъ письма изъ Петербурга, адресуя ихъ «братьямъ гражданамъ» и подписывался Рыжимъ. Здановичъ отличался фразерствомъ, либеральностью взглядовъ и открыто признавалъ себя противникомъ русскаго правительства. Показаніе Дмитріева относительно клички «Рыжій» подтвердилъ и Іоселіани, знавшій Здановича еще въ то время, когда онъ воспитывался въ Петербургѣ.

Нелишнимъ будетъ замѣтить, что показаніе Дмитріева и Іоселіани служатъ прямымъ опроверженіемъ показаній Джабадари, Чекоидзе и Здановича, утверждавшимъ, что первые двое незнакомы съ послѣднимъ.

Отобранная у Здановича (Рыжаго) программа революціонной дѣятельности и оказавшаяся по заключенію экспертовъ писанной его рукою, является для всего дѣла документомъ особенно важнымъ и существеннымъ. Документъ этотъ представляетъ отчетливую характеристику образа дѣйствій пропагандистовъ и основаній, на которыхъ учреждено было тайное общество съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія. Документъ этотъ служитъ самой убѣдительной уликой къ обвиненію всѣхъ привлеченныхъ по настоящему дѣлу лицъ, преступная дѣятельность которыхъ вполнѣ согласовалась съ началами, положенными въ основаніе этой программы, и такимъ образомъ сама программа не представляется однимъ только проектомъ, но была осуществлена и примѣнена на дѣлѣ.

Содержаніе означеннаго документа слѣдующее:

I. *Принципы, на которыхъ основывается организація.* 1) абсолютное равенство всѣхъ членовъ во всѣхъ дѣлахъ организаціи; 2) полная солидарность; 3) полное довѣріе и откровенность въ дѣлахъ организаціи.

II. *Способъ учрежденія общины.* 1) всякая новая община учреждается членами одной изъ существующихъ общинъ, на основаніи программы этой общины.

III. *Условія пріема въ члены общины.* 1) только та личность, которая искренно и всецѣло посвятила себя революціонной дѣятельности, можетъ быть членомъ общины. Любовь и дружба не должны служить помѣхою для революціонной дѣятельности: всякій долженъ быть готовъ, ради дѣла, порвать всѣ личныя связи. 3) Самоотверженность и способность хранить тайны—необходимыя качества члена организаціи. 4) Членъ долженъ быть въ положеніи простаго работника, объ исключеніяхъ рѣшаетъ община. 5) Личность должна быть способна къ исполненію по крайней мѣрѣ одной изъ главныхъ функцій революціонной дѣятельности. 6) Личность прежде чѣмъ быть принятою въ члены общины, должна быть испытана на дѣлѣ. 7) Пріемъ членовъ долженъ быть единогласный.

IV. *Обязанности членовъ общины.* 1) всѣ дѣла организаціи, членъ долженъ хранить въ тайнѣ. 2) Каждый членъ долженъ давать отчетъ общинѣ о своей революціонной дѣятельности. 3) Всѣ свѣдѣнія, касающіяся какой нибудь партіи, кружка, или лица, находящихся внѣ нашей организаціи, или въ связи съ ней, обязанъ сообщать общинѣ, за исключеніемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя въ революціонной практикѣ называются секретами: но для прочности дѣла признается необходимымъ, сообщать въ подробностяхъ нѣсколькимъ лицамъ организаціи по выбору общины. 4) Членъ общины не въ правѣ вступать въ договоры въ важныхъ дѣлахъ съ лицами, кружками и партіями, состоящими внѣ нашей организаціи, безъ согласія общины, а въ мелкихъ дѣлахъ обращается за совѣтомъ къ администраціи. 5) Свѣдѣнія, получаемыя чрезъ общину о дѣятельности лица, партіи, или кружка, не могутъ быть никому сообщены безъ согласія общины. 6) Членъ обязанъ выполнять возложенныя на него общиною порученія. 7) Членъ общины не имѣетъ права отлучаться изъ мѣста своего нахожденія безъ согласія общины. 8) Членъ общины не въ правѣ переходить изъ одной общины въ другую безъ единогласнаго согласія общинъ. 9) Членъ не можетъ имѣть личной собственности.

V. *Права члена.* 1) Всѣ члены имѣютъ право на равное участіе въ дѣлахъ общины. 2) Каждый членъ имѣетъ право требовать нужныя свѣдѣнія отъ управленія. 3) Каждый членъ имѣетъ право контроля. 4) Члену предоставляется право созывать исключительныя собранія.

VI. *Администрація.* 1) Управленіе назначается для того, чтобы текущія дѣла не останавливались бы отъ того, что всѣ члены общины находятся на работѣ. 2) Управленіе освобождается отъ работъ на фабрикахъ,

заводахъ и мастерскихъ. 3) Члены управленія назначаются не по выбору, а по очереди и взаимному соглашенію членовъ. 4) Въ управленіи должны перебывать всѣ члены общины. 5) Въ составъ управленія должны всегда входить члены какъ изъ интеллигенціи, такъ и изъ рабочихъ. 6) Число членовъ управленія опредѣляется общиною сообразно ея нуждамъ. (Въ настоящее время управленіе состоитъ изъ трехъ членовъ). 7) Каждая очередь управленія продолжается мѣсяцъ. 8) Управленіе должно вести постоянныя сношенія съ другими общинами по части книжнаго дѣла, денегъ и вообще веденія переписки по дѣламъ общинъ. 9) Управленіе обязано заботиться о наймѣ квартиръ и снабженія ихъ всѣмъ нужнымъ. 10) Управленіе хранитъ книги, деньги въ количествѣ опредѣленномъ общиною, адресы и т. д. 11) Управленіе должно предупреждать объ опасности, угрожающей членамъ общины и вообще организаціи. 12) При арестѣ кого либо изъ членовъ общины, управленіе должно увѣдомлять объ этомъ всѣхъ членовъ какъ своей, такъ и другихъ общинъ. 13) Управленіе поддерживаетъ сношеніе съ заключенными и сообщаетъ общинѣ о причинахъ ареста и о показаніяхъ кого либо изъ членовъ общины. 14) При выдачѣ суммъ на такія либо предпріятія свыше опредѣленной цифры, управленіе обязано предварительно свестись объ этомъ съ общиною. 15) *Права управленія.* а) Управленіе можетъ входить въ сношеніе съ революціонными кружками, столицами внѣ общины; б) управленіе снабжаетъ революціонные кружки деньгами, книгами и всѣмъ нужнымъ для революціонной дѣятельности, въ размѣрѣ опредѣленномъ общиною. 16) Дѣйствіе администраціи контролируется всей мѣстной общиной. 17) Для удобства сношенія одной мѣстной общины съ другою, послѣдняя увѣдомляется о личномъ составѣ управленія.

VII. *Способъ дѣйствія во время пропаганды.* 1) Члену общины предоставляется полнѣйшая самостоятельность въ способѣ революціонной дѣятельности, не вредя самой организаціи общины. 2) Членъ общины долженъ стараться поставить себя въ денежномъ отношеніи къ тѣмъ, среди которыхъ онъ пропагандируетъ, такъ, чтобы они относились къ нему какъ къ работнику, иначе говоря онъ не долженъ допускать никакихъ денежныхъ подарковъ. 3) Члены общины дѣйствуетъ при пропагандѣ только отъ имени своего, не подавая ни малѣйшаго вида о существованіи у него организованнаго кружка, или артели, до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ членовъ общины не признаютъ его надежнымъ и пока вся община не признаетъ нужнымъ сообщить о своей организаціи. 4) Членъ общины не имѣетъ права приводить кого-либо на квартиру общины, не удостовѣрившись хотя бы нѣкоторыхъ изъ членовъ въ благонадежности его. 5) Пропагандирующій не долженъ довольствоваться лишь тѣмъ, что пропагандируемый согласенъ имѣть тѣсную связь съ нимъ, или съ нѣкоторыми другими, а обязанъ выпытать у него сочувственно ли

ся относится къ идеѣ общинной организаціи. 6) Членъ пропагандистъ обязанъ, во имя идеи организаціи, не пропускать ни одного революціоннаго кружка, ни даже одной революціонной силы. 7) Тайну организаціи общины каждый членъ доводитъ до такого максимума, что онъ отрекается отъ близкаго знакомства даже передъ революціонерами, не входящими въ организацію, если отреченіе такого рода не вредитъ общинѣ.

VIII. *Группа наиважнѣйшихъ способовъ при пропагандѣ.* 1) Способъ простаго разговора: 2) способъ чтенія книжекъ, какія находитъ нужнымъ пропагандистъ: 3) способъ возбужденія; 4) Способъ простаго сплочиванія; 5) способъ созданія организованнаго кружка, находящагося внѣ организаціи общины; 6) община обязываетъ своихъ членовъ учреждать кассы, библіотеки среди организованныхъ ими кружковъ; 7) члены общины, живущіе среди рабочихъ, должны еще стремиться къ тому, чтобы на мѣстахъ жительства устраивались сходки организованныхъ ими кружковъ.

IX. *Объ Агитаціи.* А) Разница между пропагандой и агитаціей состоитъ въ томъ, что первая служитъ для выясненія взглядовъ на революціонное дѣло, а агитація имѣетъ цѣлью побудить личности или кружки прямо на активную революціонную дѣятельность. В) Агитація идетъ рядомъ съ пропагандой; она состоитъ: а) въ побужденіи другихъ лицъ и кружковъ къ пропагандѣ, б) къ образованію артелей, кассъ и библіотекъ и в) къ образованію органовъ внѣ нашей организаціи. С) Чистая агитація. 1) *Въ мирное время*: а) она ведется посредствомъ организованныхъ шаекъ, б) шайки образуются или лицами нашей организаціи, или же лицами, стоящими внѣ нашей организаціи; въ послѣднемъ случаѣ необходимо, чтобы существующая шайка довѣряла бы одному изъ членовъ общины; в) цѣль подобныхъ шаекъ наводить страхъ на правительство и на привиллегированные классы, и кромѣ того отводить взоры правительства отъ революціонныхъ дѣятелей; г) поднимать духъ народа и этимъ дѣлать его болѣе способнымъ къ принятію революціонныхъ идей; д) чрезъ нихъ пріобрѣтать денежныя средства для дѣятельности общины; е) употреблять ихъ на помощь при освобожденіи заключенныхъ; ж) направленіе шаекъ должно быть чисто соціально-революціонное. 2) *Во время бунтовъ*: а) при бунтахъ дѣятельность членовъ состоитъ въ направленіи бунтовъ; б) при бунтахъ выдвигаются личности и члены общины должны давать имъ направленіе соціально-революціонное; в) относясь сочувственно къ движенію другихъ общинъ, наша община помогаетъ средствами и всѣмъ, чѣмъ можетъ, и рядомъ съ этимъ, если она находитъ возможнымъ, призываетъ къ движенію въ своемъ мѣстѣ; г) участіе членовъ общины въ самомъ движеніи допускается въ такомъ размѣрѣ, чтобы община не уничтожалась и тѣмъ не вредила всеобщей организаціи.

X. *Денежная сторона организаціи.* 1) Каждая община имѣетъ свой самостоятельный фондъ. 2) Средства для пополненія фонда должны быть такія, которыя не вредили бы безопасности и кредиту организаціи. Вообще каждый членъ обязанъ добывать средства изъ доступныхъ ему источниковъ по своему усмотрѣнію. Никто изъ членовъ общины не можетъ исключительно заниматься добываніемъ денежныхъ средствъ, отдѣльные же случаи, когда необходимы участія извѣстныхъ лицъ, рѣшаетъ община. 3) Храненіе денегъ поручается управленію общины. Большія суммы не должны сохраняться на рукахъ управленія. Онѣ будутъ храниться по частямъ въ банкахъ. 4) Сумма, необходимая на постоянные расходы управленія и каждаго члена, опредѣляется общимъ собраніемъ, сообразно нуждамъ, на мѣсяцъ. 5) Кромѣ того, какъ управленіе, такъ и каждый членъ должны располагать деньгами на непредвидѣнные расходы не свыше количества, опредѣленнаго общиною. 6) Заемъ у лицъ, стоящихъ внѣ организаціи, заключается отдѣльными членами.

XI. *Книжное дѣло.* 1) Община высылаетъ на время лицъ, устраивающихъ сношенія съ издателями книгъ. 2) Эти же лица устраиваютъ пути для перевозки книгъ черезъ границу и затѣмъ передаютъ управленію.

XII. *О собраніяхъ общины.* 1) Община собирается разъ въ мѣсяцъ для обсужденія текущихъ дѣлъ. 2) Время и мѣсто назначаются управленіемъ. 3) Собраніе считается дѣйствительнымъ только тогда, когда всѣ члены предупреждены и отсутствующіе заявятъ причину неявки.

Условія межобщиннаго сношенія. 1) Пользованіе взаимно деньгами изъ общаго фонда. 2) Увѣдомленіе объ общинномъ шифрѣ. 4) Пользованіи общимъ словаремъ для телеграммъ. 4) Необходимо давать знать о паромѣ, путемъ телеграммы. 5) Извѣщеніе о кличкахъ личнаго состава администраціи. 6) Извѣщеніе о вводѣ новаго члена. 7) Предупрежденіе общинами другъ друга объ опасности. 8) Увѣдомленіе о движеніи въ своей мѣстности, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется общины всероссійской организаціи. 9) Совѣщаніе объ устройствѣ и содержаніи типографіи и книжное дѣло за-границей. 10) О періодическихъ изданіяхъ. 11) Увѣдомленіе о секретныхъ адресахъ общины.

Обращаясь затѣмъ къ обстоятельствамъ дѣла, разъясненнымъ дознаніемъ, слѣдуетъ остановиться прежде всего на значеніи тѣхъ документовъ, книгъ и переписокъ, которые были найдены по обыскамъ въ Москвѣ, въ квартирахъ князя Цицианова, Гамкрелидзе и Кардашева.

По подробному осмотру разнаго рода переписокъ, бумагъ и вещей, найденныхъ въ домѣ Толстой у князя Цицианова оказалось, что вещи и бумаги принадлежатъ какъ князю Цицианову, такъ и дворянину Николаю Федорову Цвѣленову. Среди массы бумагъ были найдены:

1) *виды на жительство* на имя Шатрова, Полякова и студента Смирнова, изъ которыхъ первые два оказались фальшивыми.

2) *два вытравленныхъ вида* на жительство, очевидно приготовленные для составленія подложныхъ видовъ, причемъ въ той же квартирѣ отобраны были всѣ необходимыя для составленія подложныхъ документовъ матеріалы: снимки съ печати и печать.

3) *Разныя рукописи*—изъ нихъ одна: «о необходимыхъ условіяхъ подготовки для успѣха дѣятельности пропагандиста, рѣшившагося идти въ народъ въ качествѣ рабочаго»; другая разсказъ солдата о томъ, какъ Царь, бары, чиновники, купцы и кулаки міроѣды обираютъ мужичка и наконецъ третья—корреспонденція о бывшихъ въ Кіевѣ безпорядкахъ. Двѣ послѣднія рукописи, повидимому, были приготовлены для печати. Первая рукопись «о необходимыхъ условіяхъ подготовки» написана Цвиленевымъ, а разсказъ солдата писанъ рукою Вѣры Любатовичъ.

4) *Адресы разныхъ лицъ*, написанные шифромъ.

5) *Записныя книжки*, изъ которыхъ одна оказалась принадлежащею обвиняемому Овчинникову. Въ книжкѣ, принадлежащей Цвиленеву, найденъ шифръ: «Чаще держать экзамены».

6) *Нѣсколько шифрованныхъ писемъ* отъ обвиняемаго Георгіевскаго, написанныхъ имъ изъ подъ стражи и указывающихъ какимъ образомъ можно организовать побѣгъ. Письма эти были зашифрованы, по шифру: «Чаще держать экзамены».

7) Письмо отъ арестанта дворянина Чекоидзе. Подлинникъ этого письма, также шифрованный не найдемъ, а отобранъ переводъ съ него писанный рукою Вѣры Любатовичъ. Письмо это было зашифровано по шифру: «Эй Фомичъ», найденному въ Иваново-Вознесенскѣ, какъ это разъяснено самимъ Чекоидзе въ письмѣ его къ Рыжему (Здановичу), во время содержанія ихъ обоихъ въ тюремномъ замкѣ.

8) *Переписка съ другими сообщниками, находившимися на свободѣ.* Изъ нея обращаютъ на себя вниманіе: а) *письмо отъ 4 іюля*, какъ оказалось по сличенію почерковъ, написанное рукою Лидіи Фигнеръ. Въ письмѣ этомъ сообщается: что время проходитъ бездѣятельно, такъ какъ знакомыхъ мало и сойтись ни съ кѣмъ не успѣли. «Всѣ сдѣлались членами клуба, за исключеніемъ пишущей и Анюты.» Внизу письма приписка: «бабъ здѣсь совершенно достаточно и было бы прекрасно, если бы больше не наѣзжало». б) *Шифрованная* по ключу «Ей Фомичъ» записка такого содержанія: „пришли немедленно копію Волчанскаго паспорта". в) *Письмо отъ 30 іюня*: „Вѣра

передай Катѣ, (очевидно Вѣра Любатовичъ и Екатерина Гамкрелидзе) чтобы она подождала письма, которое получитъ отъ Михаила Ивановича, знакомаго Рыжаго, тамъ просятъ сдѣлать кое какія покупки".

9) *Революціонныя книги* и клочекъ бумаги, на которомъ написано карандашемъ: «напиши на этомъ клочкѣ сколько книгъ ты взялъ, когда первый разъ отправился, какія и куда». Внизу написано: «Работ. 1 и 2 около 37, 2 и 3 по 20, Коммуна 5, Сказка 5, Пугачъ 6 и мелкія брошюрки».

Съ другой стороны, по обыску въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе было найдено до 300 книгъ преступнаго содержанія и рукопись. „Сказка о мудрицѣ Наумовнѣ", написанная частью рукой обвиняемаго Овчинникова. По показанію Гамкрелидзе эти книги и рукопись были даны ему на сохраненіе княземъ Циціановымъ.

Правдоподобность подобнаго объясненія Гамкрелидзе доказывается сопоставленіемъ слѣдующихъ обстоятельствъ: какъ это будетъ объяснено ниже, съ княземъ Циціановымъ проживала Вѣра Любатовичъ, куда она переѣхала только передъ обыскомъ. Между тѣмъ изъ переписки, найденной въ Иваново-Вознесенскѣ, видно, что члены ивановской общины требовали присылки изъ Москвы книги именно съ этой рукописи и судя по отвѣту Вѣры Любатовичъ требовали этого именно отъ нея, такъ какъ она отказывалась ее переписывать, а предлагала нанять писповъ. Такимъ образомъ нельзя не считать вполнѣ доказаннымъ, что у Вѣры Любатовичъ была означенная рукопись и что она легко могла попасть въ квартиру Гамкрелидзе тѣмъ путемъ, какъ онъ это утверждаетъ.

Сопоставивъ результаты, добытые обысками въ квартирахъ Циціанова и Гамкрелидзе, съ обязанностями, возлагаемыми программой на администрацію общины и имѣя въ виду, что въ квартирахъ найденъ складъ книгъ преступнаго содержанія, фальшивые виды на жительство, рукописи преступнаго содержанія, приготовленныя для печати, шифрованные адресы разныхъ лицъ, шифрованныя переписки съ разными пропагандистами, отчетъ о выдачѣ книгъ, предметы, необходимые при совершеніи браковъ, шифрованная переписка съ арестантами, членами того же сообщества—нельзя не придти къ полному убѣжденію въ томъ, что въ домѣ Толстой была обнаружена квартира, въ которой помѣщалась администрація общества и жили члены этой администраціи, обязанной хранить книги, адресы и т. п. (п. 10), снабжать общины и членовъ ея всѣмъ необходимымъ (п. 15 г.), поддерживать сношенія и вести переписку съ другими общинами и членами общины (п. 8), устроивать и вести сношенія съ заключенными (п. 13).

Между прочимъ на ту же администрацію общины, программа возлагаетъ обязанность нанимать и устраивать квартиры (п. 9), очевидно, какъ пріютъ для членовъ общины, гдѣ бы они могли скрыться отъ преслѣдованій, какъ о томъ свидѣтельствуетъ показаніе обвиняемаго Агапова и свидѣтеля Корнюхина. Дознаніемъ обнаружено, что и квартира князя Циціанова въ д. Толстой не была его квартирой, а принадлежала какъ ему, такъ и обвиняемой Вѣрѣ Любатовичъ и дворянину Николаю Цвиленеву, хотя и была нанята на имя дворянина Зедгенидзе, по виду котораго проживалъ князь Циціановъ.

Что квартира въ домѣ Толстой была квартирой администраціи общины, это еще яснѣе доказывается слѣдующими обстоятельствами дѣла:

Изъ показанія обвиняемаго Семена Иванова Агапова видно, что въ то время, когда часть пропагандистовъ жила въ Иваново-Вознесенскѣ, то «всѣми дѣлами въ Москвѣ заправляли Вѣра и Рыжій», причемъ Вѣра жила въ домѣ Эйнбродтъ подъ именемъ Лидіи Фигнеръ, находившейся въ это время въ Ивановѣ. Владиміръ Александровъ въ тоже время говорилъ Агапову, что отъ преслѣдованія полиціи весьма легко укрыться именно въ домъ Эйнбродтъ. Съ другой стороны важное въ этомъ отношеніи значеніе имѣетъ письмо 19 и 26 іюля, найденное въ Ивановѣ. Въ этомъ письмѣ сообщаются всѣ тѣ свѣдѣнія, сообщать которыя членамъ общества обязательно для администраціи, оно же удостовѣряетъ, что всѣ необходимыя для пропагандистовъ вещи доставляются лицами писавшими это письмо: въ немъ сообщаются предположенія о перемѣщеніи членовъ изъ одной общины въ другую, разъясняетъ необходимость подчиняться распоряженіямъ администраціи и сообщается о принятіи въ общину новаго сочлена Санчо. Притомъ лицо, сдѣлавшее въ письмѣ приписку отъ 26 іюля, говоритъ о себѣ какъ членѣ администраціи и указываетъ на то обстоятельство, что оно, какъ это предписывается программой, прослужило въ администраціи свой мѣсяцъ и требуетъ замѣну себя кѣмъ либо изъ ивановскихъ пропагандистовъ. Не лишнимъ будетъ замѣтить также, что это письмо удостовѣряетъ существованіе *организаціи кличекъ* и указываетъ на цѣль, которую имѣютъ пропагандисты: «убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте»—пишетъ авторъ этого письма. Такимъ образомъ несомнѣннымъ представляется, что согласно съ программою общины, письмо это написано въ Иваново-Вознесенскѣ лицами, составлявшими администрацію общины, а какъ выше было уже сказано—письмо это написано Рыжимъ (Здановичемъ) и Вѣрою Любатовичъ.

Между тѣмъ дознаніемъ доказано, что Вѣра Любатовичъ и Рыжій (Здановичъ) проживали въ это время въ д. Эйнбродтъ.

По справкамъ оказалось, что первоначально въ д. Эйнбродтъ квартира занята была обвиняемой Марьей Субботиной, которая и проживала тамъ съ 5 по 26 мая 1875 года. Затѣмъ квартира эта была передана Марьей Субботиной Лидіи Фигнеръ, что признала и поселѣвшія, и отъ чего Марья Субботина отказалась. Квартира въ домѣ Эйнбродтъ, какъ снова удостовѣряютъ справки, съ 30 мая до 6 августа числилась за Лидіей Фигнеръ, не смотря на то, что Фигнеръ съ конца іюня или первыхъ числахъ іюля мѣсяца жила по подложному паспорту въ Иваново Вознесенскѣ. Въ это время, въ домѣ Эйнбродтъ, проживала подъ именемъ Фигнеръ Вѣра Любатовичъ. Это обстоятельство удостовѣрено показаніями Агапова, кухарки г-жи Эйнбродтъ Софьи Красновой и дочери священника Аверовой, знавшихъ проживавшую въ д. Эйнбродтъ Вѣру Любатовичъ подъ именемъ **Лидіи Фигнеръ.**

Такимъ образомъ изъ изложеннаго ясно, что квартира администраціи общины до 6 августа помѣщалась въ д. Эйнбродтъ. Затѣмъ въ августѣ мѣсяцѣ. Вѣра Любатовичъ вмѣстѣ съ княземъ Циціановымъ и Кардашевымъ приходили нанимать и нанялн квартиру въ д. Толстой. Въ этой квартирѣ поселились первые двое, причемъ квартирой завѣдывала Вѣра Любатовичъ, у которой и хранился отъ квартиры ключъ. Обстоятельства эти вполнѣ подтверждены показаніями дворника д. Толстой Ивана Жохова. Кардашевъ жилъ на отдѣльной квартирѣ, но за то въ д. Толстой найдены всѣ вещи третьяго лица дворянина Цвиленева, причемъ въ его чемоданѣ найдена часть бумагъ, о которыхъ сказано выше. Очевидно, что та же администрація, которая находилась въ д. Эйнбродтъ перебралась на новую квартиру въ д. Толстой, но притомъ составъ администраціи нѣсколько **измѣнился.**

Въ домѣ Эйнбродтъ, въ составъ администраціи входили Вѣра Любатовичъ и Здановичъ (Рыжій). Какъ выше указано Вѣра Любатовичъ желала выдти изъ администраціи, но, не будучи никѣмъ замѣнена, осталась въ ней, ибо, въ противномъ случаѣ, она должна была уѣхать на работу въ Кіевъ. Что касается до Здановича (Рыжаго), то онъ выбылъ изъ Москвы по порученію общины на границу и такимъ образомъ выбылъ изъ администраціи. О немъ Вѣра Любатовичъ писала въ Иваново: «Рыжему не хотѣлось ѣхать на границу, а между тѣмъ онъ поѣхалъ». О немъ же Евгенія Субботина писала въ Иваново Аннѣ, что его нѣтъ въ Москвѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что согласно программѣ, администрація въ то время должна была состоять изъ трехъ лицъ. Должно не могло опредѣлиться третье лицо, входившее въ составъ администраціи въ д. Эйнбродтъ, но въ д. Толстой найдены вещи и бумаги, принадлежащія тремъ лицамъ: Любатовичъ, князю Циціанову и Цвиленеву, а подобное сочетаніе трехъ лицъ вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ программы.

Переѣзжая изъ дома Эйнбродтъ, Вѣра Любатовичъ приняла мѣры скрыть свое мѣстопребываніе. Такъ въ полиціи Лидія Фогнеръ 6 августа была отмѣчена выѣхавшею въ Казань, а дворнику дома Эйнбродтъ былъ указанъ ея адресъ въ № 12 гостинницы «Украйна», каковой адресъ и былъ сообщенъ дворникомъ свидѣтельницѣ Анеровой. Къ этому обстоятельству слѣдуетъ присоединить и то, что въ № 12 «Украйны», въ квартирѣ Гамкрелидзе, найдена часть общиннаго имущества (книги и рукопись), переданная ему на храненіе членами администраціи.

Все вышеизложенное ясно доказываетъ исполненіе администраціей требованія программы о наймѣ и устройствѣ квартиръ, а съ другой стороны служитъ прямымъ доказательствомъ того значенія, которое имѣли въ общинѣ обвиняемые Здановичъ, Вѣра Любатовичъ, князь Циціановъ, Цхиленели, Гамкрелидзе и Кардашевъ.

Затѣмъ по отношенію къ обвиненію отставнаго коллежскаго регистратора Кардашева дознаніемъ обнаружено, что этотъ послѣдній хранилъ при себѣ и расходовалъ деньги, составлявшія матеріальныя средства общины. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что Кардашевъ, принадлежа къ кавказскимъ уроженцамъ, давно знакомъ былъ съ главными по настоящему дѣлу обвиняемыми Чеодзе, Джабадари, кн. Циціановымъ и другими. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1875 г., Кардашевъ пріѣзжалъ въ Москву изъ Петербурга и жилъ вмѣстѣ съ Чекоидзе въ гостинницѣ Шевалдышева. Ранѣе указано было, что вслѣдъ затѣмъ Чекоидзе, вступивъ въ общину пропагандистовъ, былъ 4 апрѣля уже арестованъ въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсакъ, Кардашевъ же, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его собственноручная записная книжка укрылся за-границу. Изъ той же записной книжки видно, что, находясь заграницей, Кардашевъ велъ переписку съ Рыжимъ, съ Вѣрой Любатовичъ и съ другими лицами, отмѣченными только буквами и что, приблизительно въ концѣ іюня мѣсяца 1875 г., Кардашевъ снова прибылъ въ Россію. По показанію Красновой, служителей гостинницы „Украйна“ и дворника дома Толстой Жохова, Кардашевъ часто посѣщалъ Гамкрелидзе и Вѣру Любатовичъ. Какъ выше было указано у Кардашева было найдено 8.545 р. денегъ и билетъ 1100 р. на имя Тумановой. Въ книжкѣ Кардашева, записаны такіе расходы: Санчо 15 р., Санчо 25 р., Волч. 20 р. Гамкѣ 15 р. Свадьба 41 р. Ниже будетъ подробно объяснено, значеніе этихъ именъ, теперь же будетъ достаточно указать, что имена Санчо, Гамка, Волченокъ— суть клички членовъ преступнаго сообщества. Эти записи свидѣтельствуютъ о томъ, что Кардашевъ расходовалъ деньги на членовъ общины. Принимая во вниманіе безусловное правило, устанавливаемое программой, по которому ни одинъ членъ общества не долженъ имѣть личной собственности, но получаетъ необходимыя для него средства отъ общины и что

денежныя средства общины не должны храниться въ администраціи общины, то станетъ совершенно ясно, что денежныя суммы. отобранныя у Кардашева, составляютъ денежный фондъ преступнаго сообщества. Соображеніе только что изложенное находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ обстоятельствахъ дѣла. Какъ оказалось Кардашевъ ѣздилъ въ города Тулу и Орелъ вмѣстѣ съ княземъ Ціціановымъ (Зедгенидзе). Въ Тулѣ, Кардашевъ, согласно показанію свидѣтеля Введенскаго, видѣлся съ обвиняемымъ Злобинымъ, а въ Орлѣ, какъ это удостовѣрила прислуга гостинницы Тотьенъ, останавливался въ этой гостинницѣ и видѣлся съ обвиняемой Марьей Субботиной. Кромѣ того поѣздка эта удостовѣрена и самимъ Кардашевымъ. Расходъ на эту поѣздку, какъ по отношенію къ Кардашеву, такъ и по отношенію къ князю Ціціанову, записанъ въ той же книжкѣ Кардашева, да и расходы на жизнь и поѣздки самого Кардашева, принадлежавшаго къ той же общинѣ и носившаго кличку Мавра, въ виду вышеизложеннаго,—не могутъ не быть отнесены на счетъ общиннаго фонда. Еще болѣе значенія имѣетъ для дѣла нахожденіе у Кардашева билета петербургскаго суднаго банка въ 1100 р. на имя Тумановой. Билетъ этотъ былъ выданъ матерью Тумановой дочери ея Екатеринѣ, какъ приданное при выходѣ послѣдней замужъ за обвиняемаго Антимоза Гамкрелидзе. Бракосочетаніе Гамкрелидзе съ Тумановой послѣдовало 13 іюля 1875 г. въ Москвѣ. Въ обыскной книгѣ, въ числѣ свидѣтелей брака, росписался князь Александръ Ціціановъ, на свадьбѣ распоряжался всѣмъ тотъ же кн. Ціціановъ, а въ числѣ присутствовавшихъ находились кромѣ того Вѣра Любатовичъ, Кардашевъ и обвиняемая Варвара Батюшкова, о которой будетъ сказано ниже. Свадьба эта была совершена при особой, исключительной обстановкѣ. Невѣста пріѣхала въ церковь въ сопровожденіи квартирной хозяйки Сидоровой, неодѣтая въ подвѣнечное платье, поведеніе лицъ, во время бракосочетанія, поражало посторонняхъ лицъ полнымъ пренебреженіемъ къ обрядности бракосочетанія. Въ церкви не были даже приготовлены или приглашены необходимые свидѣтели и одного изъ нихъ пришлось розыскивать. Немедленно послѣ свадьбы и закуски въ номерахъ Рубилиной, молодая уѣхала, оставивъ своего молодаго мужа ночевать одного, а затѣмъ супруги Гамкрелидзе, какъ это указано выше, разъѣхались совсѣмъ, причемъ Екатерина Гамкрелидзе отправилась въ Иваново Вознесенскъ на преступную пропаганду. Билетъ въ 1100 руб., поступившій въ приданное Екатеринѣ Гамкрелидзе, перешелъ къ Кардашеву, а у этого послѣдняго записано въ записной книжкѣ выдача 15 р. Гамкѣ и 41 руб. расхода по свадьбѣ, причемъ именно Кардашевымъ уплачены деньги священнику за вѣнчаніе Гамкрелидзе. Лучшимъ доказательствомъ тому, какое значеніе этому браку придавали сами обвиняемые служитъ письмо, найденное въ Ивановѣ, въ которомъ пишутъ слѣдующее: не желаете ли получить по почтѣ М-ль Гамку, хотя она и вышла замужъ за Като, но все таки теряетъ право называться мадамшею.

Самъ Автимесъ Гамкрелидзе показалъ, что тотчасъ же послѣ свадьбы, онъ рѣшилъ видать женѣ своей отдѣльный видъ, для проживанія во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи.

Очевидно такимъ образомъ, что бракъ Гамкрелидзе имѣетъ фиктивное значеніе и заключенъ былъ съ единственною цѣлію пріобрѣтенія приданаго, которое тотчасъ за бракосочетаніемъ и поступило въ общій фондъ къ обвиняемому Кардашеву.

Слѣдуетъ замѣтить, что бракъ Гамкрелидзе не былъ единственнымъ явленіемъ подобнаго рода среди этого преступнаго сообщества. Членами сообщества былъ заключенъ другой бракъ съ тѣмъ же характеромъ. Ранѣе неоднократно уже упоминалось имя обвиняемой княгини Ципіановой, задержанной въ Кіевѣ подъ именемъ Маріи Гороценковой. Оказалось, что именующая себя княгиней Ципіановой, рожденная Хоржевская, вышла замужъ за князя Александра Ципіанова въ г. Одессѣ и вѣнчалась съ нимъ 13 іюля 1875 г. т. е., въ тотъ же самый день, когда князь Александръ Ципіановъ присутствовалъ, въ качествѣ свидѣтеля, въ г. Москвѣ, при бракосочетаніи супруговъ Гамкрелидзе. Произведеннымъ по этому предмету дознаніемъ обнаружено, что въ Одессѣ, при содѣйствіи обвиняемыхъ Ольги Любатовичъ и Надежды Субботиной, въ домѣ Хоржевскихъ, къ отцу обвиняемой, былъ введенъ Александрою Хоржевской, подъ именемъ князя Александра Ципіанова дворянинъ Кикодзе, скрывшійся и дознаніемъ нерозысканный. Эта личность обвѣнчалась съ Александрой Хоржевской по документамъ князя Ципіанова. Обстоятельства эти вполнѣ удостовѣрены свидѣтельскими показаніями отца, сестры Хоржевской и свидѣтелей бракосочетанія, которымъ была предъявлена фотографическая карточка Кикодзе, такъ и сличеніемъ подписей въ обѣихъ обыскныхъ книгахъ. Хоржевской выдано было приданное, неизвѣстно куда исчезнувшее, а между тѣмъ сама Хоржевская является дѣятельнымъ членомъ кіевской общины, имѣвшей свой самостоятельный денежный фондъ.

Между тѣмъ была совершена попытка заключить еще третій бракъ такого же характера. Дочь священника г. Москвы Екатерина Ансерова воспитывалась въ гимназіи вмѣстѣ съ сестрами Субботиными, подъ вліяніемъ которыхъ, пожелала вмѣстѣ съ ними и на ихъ средства ѣхать за-границу, на что родители Ансеровой не согласились. Тогда Евгенія Субботина предложила Ансеровой получить свободу путемъ фиктивнаго брака съ однимъ господиномъ, по фамиліи Іоселіани, который, для знакомства съ Ансеровой, приходилъ нѣсколько разъ въ церковь, а затѣмъ просилъ у отца Ансеровой позволенія бывать у нихъ въ домѣ, въ чемъ священникъ Ансеровъ ему отказалъ. Въ виду подобной неудачи Евгенія Субботина уговаривала Ансерову

бѣжать, составила планъ побѣга и дала Ансеровой для жизни на первое время послѣ побѣга 35 руб. Ансерова, узнавъ въ это время, что Субботина арестована, прервала съ ней всякое знакомство. Желая окончательно раздѣлаться съ Субботиными, Ансерова принесла должные ею Евгеніи Субботиной 35 руб. въ гостиницу «Украйну», вслѣдствіе чего и была препровождена къ дознанію. По словамъ Ансеровой, бракъ этотъ устраивался для того, чтобы Ансерова, получивъ отъ отца приданное, могла бы передать его своему мужу, а сама за это получила бы полную свободу. По предъявленіи Кардашева Ансеровой, эта послѣдняя признала въ немъ того господина, который выдавалъ себя за Іоселіани. Кардашевъ, съ своей стороны, не отвергая того, что желалъ познакомиться съ Ансеровой, но получилъ отказъ, не сознался въ томъ, что выдавалъ себя за Іоселіани. Показаніе Ансеровой нашло себѣ полное подтвержденіе въ показаніи ея отца.

Что устройство фиктивныхъ браковъ входило въ расчеты членовъ преступнаго сообщества, тому, кромѣ примѣровъ вышеприведенныхъ, служитъ доказательствомъ письмо, найденное у обвиняемой Варвары Батюшковой, причемъ и это письмо доказываетъ, что цѣль подобныхъ браковъ есть пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ. Въ письмѣ этомъ лицо, оставшееся несоваруженнымъ, пишетъ, что до выхода замужъ оно не можетъ получить завѣщанныхъ ей денегъ, а потому проситъ найти на фиктивный съ нею бракъ охотника, который согласился бы «продѣлать эту комедь». Письмо оканчивается замѣчаніемъ, что въ данномъ случаѣ цѣль оправдываетъ средства.

Въ виду подобныхъ фактовъ, значеніе билета петербургскаго ссуднаго банка въ 1100 руб., найденнаго у Кардашева, становится совершенно яснымъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что какъ самъ Кардашевъ, такъ мужъ и жена Гамкрелидзе дали по этому поводу самыя разнорѣчивыя показанія и не умѣли объяснить какимъ образомъ билетъ Тумановой попалъ къ Кардашеву.

Въ продолженіи всего дознанія Кардашевъ упорно отказывался объяснить откуда получены имъ эти суммы, утверждая, что это будетъ сдѣлано имъ впослѣдствіи, и что лично ему принадлежитъ только билетъ въ 1100 р. На другомъ допросѣ Кардашевъ измѣнилъ свои показанія и показалъ, что всѣ деньги принадлежатъ ему, исключая билета въ 1100 р., который ему не принадлежитъ. Причина, по которой Кардашевъ медлилъ дать какія либо объясненія, по поводу найденныхъ у него денегъ, вскорѣ объяснилась. По обыску, произведенному 1 декабря 1875 г., въ квартирѣ обвиняемыхъ Надежды Георгіевской и Екатерины Введенской были найдены 4 конверта, доставленные изъ тюремнаго замка. По вскрытіи означенныхъ конвертовъ въ нихъ оказались письма, написанныя Кардашевымъ къ его

братьямъ Бегляру и Сергѣю Степановымъ въ Шемаху и Елисаветполь. Въ этихъ письмахъ Кардашевъ проситъ своихъ братьевъ устроить такъ, чтобы при допросѣ одинъ изъ братьевъ или мать Кардашева показали бы, что деньги 9000 р. даны ими для коммерческихъ оборотовъ Кардашеву. Для того, чтобы подкрѣпить подобное показаніе, Кардашевъ посылаетъ имъ написанныя задними числами письма, въ которыхъ даетъ отчетъ въ употребленіи этого капитала. Кромѣ того приложено еще письмо отъ 5 августа 1875 г., въ которомъ Кардашевъ пишетъ къ брату, что пріѣхалъ въ Москву для устройства типографскаго дѣла, но компаньонъ его надулъ и дѣло не состоялось. Это послѣднее письмо его братъ долженъ былъ представить при допросѣ къ дознанію для доказательства того, съ какою цѣлію Кардашевъ пріѣхалъ въ Москву. Въ отдѣльныхъ конвертахъ оказались векселя, написанные на имя Бегляра и Елисаветы Степановой по 9000 р. на каждое имя. Всѣ эти письма и векселя должны были быть отправлены черезъ Георгіевскую и Введенскую съ нарочно посланнымъ человѣкомъ на Кавказъ.

Въ письмѣ на имя Бегляра Степанова, въ которомъ Кардашевъ излагаетъ весь планъ дѣйствій, предпринимаемый имъ для введенія правосудія въ заблужденіе, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: полагаютъ, что эти деньги у меня кружковыя, членскія т. е. что это сборъ съ революціоннаго кружка. Теперь вся суть у меня пока вертится на томъ, чтобы найти человѣка, который взялся бы сказать, что это его деньги, что онъ мнѣ ихъ далъ . . . . . Спасите деньги, чужія хотя для васъ, но для меня это деньги дорогихъ, мнѣ людей. Нарочно, чтобы передать вамъ мое письмо снаряжается человѣкъ.

Вмѣстѣ съ этими письмами, въ той же квартирѣ, было найдено еще письмо Кардашева, въ которомъ этотъ послѣдній учитъ какъ надо ѣхать въ Шемаху и, между прочимъ, говоритъ: я положительно не знаю, что же будетъ дальше, то предлагаете новый планъ, то письмо. Если хотите мой планъ выполнить, то пришлите мнѣ еще два листа почтовой бумаги, очень, очень важно написать ихъ. Они послужатъ славнымъ доказательствомъ для моего оправданія. Во всякомъ случаѣ вашъ планъ пусть остается въ резервѣ, а если хотите двигайте по немногу вашъ планъ, но я увѣренъ, что дѣло съ моимъ однимъ вполнѣ удастся, развѣ если у васъ нѣтъ господина для отправки туда.

Значеніе денежныхъ суммъ, отобранныхъ у Кардашева разъяснено самимъ Кардашевымъ въ шифрованномъ письмѣ на имя князя Микеладзе. Въ немъ, Кардашевъ, сообщая объ арестахъ Рыжому и предупреждая его о томъ, что его ищутъ, пишетъ: Въ Москвѣ всѣ деньги до 10 тысячъ взяты.

Съ другой стороны Зланович (Рыжій) въ письмѣ, отобраннымъ въ квартирѣ Георгіевской и Введенской нашом настъ лицамъ, которымъ адресованы письма о ихъ нравственной обязанности озаботиться, чтобы заду манный планъ ко спасенію арестованнаго капитала удался, ибо въ противномъ случаѣ *капиталъ для дѣла пропадетъ.*

Допрошенный. по поводу найденныхъ у Георгіевской писемъ, Кардашевъ, признавая ихъ за свои, отказался дать какія либо объясненія, но по поводу денежныхъ расходовъ, записанныхъ въ его книжкѣ объяснилъ что подъ именемъ Гамки, Санчо и Волченка онъ зналъ Гамкрелидзе, кн. Цицианова и Вѣру Любатовичъ, которымъ и давалъ деньги, но въ долгъ.

Такимъ образомъ взаимное сопоставленіе всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ и писемъ, писанныхъ самимъ обвиняемымъ, приводитъ къ окончательному и несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что въ рукахъ Кардашева находился фондъ московской революціонной общины, а самъ Кардашевъ былъ кассиромъ этой общины.

Послѣ ареста членовъ администраціи преступнаго сообщества была вновь произведена попытка членами сообщества создать новую администрацію въ квартирѣ дочерей священниковъ Надежды Георгіевской (сестры обвиняемаго Георгіевскаго) и Екатерины Введенской. Эта попытка не удалась вслѣдствіе своевременнаго и случайнаго обнаруженія ея.

1 декабря приставомъ сущевской части составленъ былъ актъ о томъ, что въ принесенномъ Надеждою Георгіевской брату своему хлѣбѣ найдена шифрованная записка отъ Надежды Георгіевской къ ея брату.

По дешифрированіи записки оказалось, что въ ней сообщалось Георгіевскому о способѣ сношеній, установленныхъ съ арестантами въ стрѣлецкой и сущевской частяхъ, и извѣщеніе о безпорядкахъ въ Технологическомъ Институтѣ. . . . . .

По поводу означенной записки, признанной Георгіевской за написанную ею, былъ произведенъ у Георгіевской обыскъ и оказалось, что она живетъ вмѣстѣ съ Екатериной Введенской. Предъ началомъ обыска какъ Георгіевская, такъ и Введенская стремительно бросились къ столу и успѣли изорвать нѣсколько бумагъ, но отъ дальнѣйшихъ насильственныхъ дѣйствій были удержаны. По обыску у нихъ были отобраны 1) письма, приготовленныя для отправки на Кавказъ, написаны Кардашевымъ, о которыхъ сказано выше; 2) шифрованное письмо, по своему содержанію очевидно написанное обвиняемымъ Гамкрелидзе; 3) два листа почтовой бумаги, исписанные шифромъ, какъ оказалось потомъ письмо Рыжаго изъ тюрьмы къ прочимъ арестантамъ; 4) клочекъ бумаги съ шифрованнымъ письмомъ Василія Георгіевскаго и 5) переводы шифрованныхъ писемъ (Рыжаго) Зановича.

Что касается до писемъ Карлашева, то содержаніе и значеніе ихъ указано выше; въ письмѣ Гамкрелидзе, этотъ послѣдній проситъ лицо, которое поѣдетъ на Кавказъ, повидаться въ Одессѣ съ братомъ Гамкрелидзе и условится съ нимъ о томъ, какія братъ его долженъ дать показанія для того, чтобы бракъ Гамкрелидзе съ Тумановой потерялъ свой фиктивный характеръ.

Въ шифрованныхъ письмахъ, Здановичъ, обращаясь къ членамъ сообщества, оставшимся на свободѣ, даетъ подробныя наставленія о пользѣ устройства мастерскихъ для веденія пропаганды въ народѣ, разъясняетъ какъ нужно поступать для окончанія начатаго авторомъ писемъ труда по составленію словаря для телеграммъ, предусмотрѣннаго въ программѣ организаціи, напоминаетъ лицамъ, которымъ адресованы письма, о ихъ нравственной обязанности озаботится, чтобы задуманный планъ ко спасенію арестованнаго капитала удался, ибо въ противномъ случаѣ капиталъ для дѣла пропадетъ, сообщаетъ, что авторъ письма писалъ Медвѣдевой наставленіе какъ она должна показывать и увѣдомляетъ, что необходимо увѣрить, что «Рыжій», на свободѣ, за-границей и что онъ авторъ писемъ не есть Рыжій, причемъ спрашиваетъ посланы ли его документы на родину, подговорены ли свидѣтели и какой отвѣтъ послѣднихъ.

Спрошенныя по поводу найденныхъ у нихъ переписокъ, Георгіевская и Введенская отказались дать какія либо объясненія, утверждая, что письмо Карлашева и Гамкрелидзе принесены въ ихъ квартиру неизвѣстнымъ человѣкомъ, причемъ Георгіевская признала, что переводъ писемъ Рыжаго сдѣланъ ею.

Въ тотъ же вечеръ, когда произведенъ былъ у означенныхъ выше лицъ обыскъ, въ ихъ квартиру явился мужчина одѣтый по дорожному. При задержаніи его, мужчина этотъ бросилъ на землю записку,оказавшуюся шифрованной. По доставленіи его въ Жандармское Управленіе неизвѣстный отказался объявить о своемъ званіи и успѣлъ схватить со стола и изорвать брошенную имъ записку. Затѣмъ на послѣдующемъ допросѣ неизвѣстный оказался бывшимъ студентомъ С.-Петербургскаго Университета Алексѣемъ Ивановымъ Нуромскимъ. Прибытіе его въ квартиру Георгіевской, Нуромскій объяснилъ знакомствомъ, но указать свою квартиру и давать какія либообъясненія отказался. Содержась уже подъ стражей, Нуромскій, получивъ черезъ обвиняемаго Агашова записку, отвѣчалъ на нее письмомъ, въ которомъ излагалась сущность даннаго имъ при дознаніи показанія, причемъ самое письмо было зашифровано по ключу, бывшему въ употребленіи среди членовъ преступнаго сообщества.

Такимъ образомъ произведеннымъ у Георгіевской и Введенской обыскомъ вполнѣ доказано, что черезъ нихъ и въ ихъ квартирѣ вновь были организованы сношенія съ арестованными лицами; что Георгіевская и Введенская принимали дѣятельное участіе въ томъ, чтобы отыскать человѣка, для отправки его съ письмами Карлашева на Кавказъ, что они вели съ Здановичемъ переписку о продолженіи преступной пропаганды и что имъ содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи обвиняемый Нуромскій. Такого рода дѣятельность безспорно составляетъ часть обязанностей, возлагаемыхъ программой на администрацію общества.

Кромѣ обвиняемыхъ вышеуказанныхъ, дознаніемъ обнаружена принадлежность къ той же преступной организаціи еще цѣлаго ряда лицъ.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на томъ дѣятельномъ участіи, которое принимали въ дѣлахъ общины три сестры Марья, Евгенія и Надежда Дмитріевы Субботины. Выше нѣсколько разъ уже упоминались имена этихъ лицъ. При производствѣ дознанія объ ивановскихъ пропагандистахъ обнаружено было, что московская цеховая Анна Топоркова, по убѣжденію и на средства Субботиныхъ ѣздила въ Цюрихъ, откуда вернувшись, посвятила себя преступной пропагандѣ. Тѣ же Субботины убѣждали свидѣтельницу Ансерову ѣхать вмѣстѣ съ ними за-границу и предлагали ей на это свои средства. Затѣмъ настоящимъ дознаніемъ къ обвиненію Субботиныхъ обнаружены слѣдующія данныя:

Какъ выше было сказано обвиняемый Степанъ Карлашевъ покушался отправить черезъ унтер-офицера Дунева два письма: одно въ Орелъ на имя присяжнаго повѣреннаго Афонскаго и другое—въ Одессу на имя князя Микеладзе.

Письмо, адресованное Афонскому состоитъ изъ двухъ частей: въ первой, незашифрованной части, Карлашевъ проситъ Афонскаго передать это письмо Маріи или Евгеніи Субботинымъ, которыя «прочтутъ, что написано шифромъ», а Афонскій не пойметъ да это ему не нужно. Вторая часть письма зашифрована по общинному ключу «Ой Фомичъ». Въ ней Карлашевъ сообщаетъ Субботинымъ, что «наши московскіе друзья больны ужасно, эпидемически, начиная съ Волчен, Санчо и Мавра и кончая уже чертъ знаетъ кѣмъ, пусть извѣстятъ кому найдутъ нужнымъ.

Написаніе подобнаго письма Карлашевымъ къ Субботинымъ служитъ непосредственнымъ доказательствомъ тому, что Евгеніи и Маріи Субботинымъ извѣстенъ не только шифръ, употребляемый обвиняемыми, но извѣстны клички членовъ общины и тѣ лица, кого объ арестахъ слѣдуетъ предупредить.

Затѣмъ по отношенію къ Евгеніи Субботиной слѣдуетъ имѣть въ виду, что она устраивала и удавшійся фиктивный бракъ Аверьевой съ Кардашевымъ, выдала послѣдняго за Іоселіани, что письмо отъ Евгеніи къ Лидіи, найденное въ Иваново-Вознесенскѣ, въ которомъ Евгенія выражаетъ свое прямое сочувствіе дѣятельности пропагандистовъ и сѣтуетъ о томъ, что дѣло ведется слишкомъ неосторожно, написано какъ признали эксперты и отчасти сама Субботина тою же Евгеніею Субботиной.

Затѣмъ прибытіе Субботиной изъ Петербурга съ обвиняемымъ Михайломъ Овчинниковымъ, несомнѣннымъ членомъ общины, причемъ оба эти лица прямо съ желѣзной дороги пріѣхали вмѣстѣ въ 12 № «Украйны», въ квартиру Гамкрелидзе, служитъ яснымъ доказательствомъ принадлежности Субботиной къ преступному сообществу. Нельзя притомъ не обратить вниманіе и на то, что въ квартирѣ администраціи общины найдена была абонементная книжка Евгеніи Субботиной изъ библіотеки Улитиныхъ.

Уликами къ обвиненію Маріи Субботиной служатъ кромѣ письма Кардашева, наемъ ею квартиры въ д. Эйнбродтъ и передача этой квартиры Лидіи Фигнеръ. Въ письмѣ, отобранномъ въ Иваново-Вознесенскѣ, сообщается, что Манька хлопочетъ о сапогахъ, а сапоги, какъ это разъяснилъ обвиняемый Агаповъ, на языкѣ членовъ общины значитъ фальшивые виды на жительство. Въ письмѣ Евгеніи Субботиной, найденномъ по обыску у Маріи Субботиной, первая говоритъ о необходимости предупредить «Маньку» объ арестахъ, произведенныхъ въ Москвѣ, а по показанію самой Евгеніи Субботиной подъ именемъ Маньки она понимала сестру свою Марію Субботину. Близкія сношенія Маріи Субботиной съ членами общины доказываются показаніями прислуги гостиницы Тотьевъ въ г. Орлѣ, признавшей въ фотографической карточкѣ Маріи Субботиной, женщину, посѣщавшую Кардашева во время его пріѣзда въ Орелъ. Какое значеніе имѣла Марія Субботина среди пропагандистовъ, и на сколько эти послѣдніе о ней заботились свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что Кардашевъ, увѣдомляя Рыжаго объ арестахъ въ Москвѣ, находитъ нужнымъ дать знать о томъ, что, во время обыска у Гамкрелидзе, имя Маріи Дмитріевны Субботиной было записано. Наконецъ лица, знавшія Марію Субботину, какъ напр. вдова штабс-капитана Четвергова и сынъ священника Царевскій, приходили для свиданія съ Маріею Субботиной въ 12 № гостиницы «Украйна», что съ своей стороны указываетъ также на близость сношеній Субботиной съ Гамкрелидзе, однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ преступной общины.

При изложеніи обстоятельствъ дѣла, относящихся до дѣятельности пропагандистовъ въ г. Кіевѣ, указаны были улики къ обвиненію третьей сестры Надежды Дмитріевны Субботиной, здѣсь не лишнимъ будетъ при-

помнить, что при содѣйствіи той же Надежды Субботиной, Александра Хоржевская вышла замужъ за дворянина Кикодзе, выдавая его за князя Циціанова.

Кромѣ того дознаніемъ, произведеннымъ въ Москвѣ, къ обвиненію Надежды Субботиной, а вмѣстѣ съ нею и дочери титулярнаго совѣтника Елены Медвѣдевой обнаружены слѣдующія данныя:

Обвиняемый Степанъ Кардашевъ, кромѣ письма на имя Аѳонскаго, покушался переслать черезъ унтеръ-офицера Дубова еще другое письмо въ Одессу на имя князя Микеладзе. Въ этомъ шифрованномъ письмѣ Кардашевъ пишетъ Рыжему, что въ Москвѣ всѣ схвачены, деньги до 10-т. р. взяты, и что бывшій слѣдитъ еще пока подъ видомъ князя Кочакидзе. «Санчо далъ два выстрѣла по офицеру, но не попалъ, это очень хорошо, а то бы бѣда ..... Тебя ищутъ, книгъ захватили пропасть, бумагъ ничего, кажется у Санчо и Віры кое что.... Всѣ бумаги у Медвѣдихи, но кажется уже былъ шпонъ, но это пустяки, ты можешь спросить о ней въ гостиницѣ Чернышева у Винницкой. Вообще дѣла очень плохи.»

Вслѣдствіе указанія, сдѣланнаго Кардашевымъ въ этомъ письмѣ на Винницкую, была розыскана «Медвѣдиха», которая оказалась дочерью титулярнаго совѣтника Еленою Медвѣдевой. По обыску у Медвѣдевой ничего предосудительнаго найдено не было, но изъ показанія самой Медвѣдевой и Винницкой выяснилось, что Медвѣдева весьма близко была знакома съ Кардашевымъ, скрывшимся отъ дознанія дворяниномъ Кикодзе, женившимся подъ именемъ князя Цицианова на Хоржевской, посѣщала Гамкрелидзе и имѣла для передачи лицамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву адресъ послѣдняго. У нея же, какъ свидѣтельствуетъ письмо Кардашева хранились важныя для общины бумаги. Изъ шифрованнаго грузинскаго письма Еленѣ Медвѣдевой, написаннаго ею во время нахожденія ея подъ стражей видно, что она знала Рыжаго, а изъ указаннаго выше письма Рыжаго (Здановича), найденнаго у Георгіевской, ясно, что Медвѣдева принадлежала къ тому же преступному сообществу. На другой день послѣ ареста Елены Медвѣдевой на ея имя получена была изъ Одессы депеша, подписанная Аѳанасьевою, такого содержанія. Вѣра не присылай ни одного письма, я уѣзжаю, скоро вышлю свой адресъ.

Затѣмъ въ 20-хъ числахъ августа изъ Кіева, на имя Медвѣдевой получено было письмо, написанное, какъ это безусловно признано княгиней Александрой Циціановой. Въ этомъ письмѣ Циціанова проситъ какъ можно скорѣе увѣдомить ее о новомъ адресѣ квартиры въ Москвѣ, въ которой могли бы остановиться рабочіе и интеллигентные, имѣющіе пріѣхать изъ Кіева.

Спрошенная по поводу этихъ обстоятельствъ, Елена Медвѣдева не дала никакихъ объясненій, ссылаясь на то, что всѣ письма и депеши ею полученныя принадлежали не ей, а женщинѣ, съ которой она случайно познакомилась на бульварѣ и по просьбѣ которой получала для передачи какой-то Матвѣевой всѣ ея письма. Указать это лицо или мѣсто ея жительства Медвѣдева отказалась.

По произведенному въ г. Одессѣ обыску у князя Пармена Микеладзе ничего подозрительнаго найдено не было, но были отобраны двѣ квитанціи на отправленныя въ Москву и Кіевъ депеши.

По показанію князя Микеладзе, лѣтомъ 1879 г., онъ познакомился въ Одессѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, называвшимся Иваномъ Григорьевымъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ знакомства Иванъ Григорьевъ, говоря, что онъ цѣлый день бываетъ на работахъ и что почталіонамъ трудно его розыскивать, просилъ князя Микеладзе получать отъ родныхъ письма на его. Микеладзе, имя, на что послѣдній и согласился. Вслѣдствіе этого, князь Микеладзе сталъ получать письма изъ Москвы, Кіева и Кишинева. Одно письмо было изъ Ялты, что подстрекнуло любопытство князя Микеладзе и онъ письмо это распечаталъ, но прочесть не могъ, ибо оно было написано цифрами. Всѣ получаемыя письма князь Микеладзе передалъ Ивану Григорьеву, такъ какъ самъ Микеладзе ни отъ кого никогда писемъ не получалъ. Разъ какъ-то Иванъ Григорьевъ позвалъ Микеладзе кататься въ лодкѣ и тамъ познакомилъ его съ дѣвушкой, которую звали Надькой. Послѣ этого князь Микеладзе посѣщалъ Надьку и получилъ отъ нея для прочтенія «Парижскую коммуну». Надька въ свою очередь познакомила его съ семействомъ Хоржевскихъ. Двѣ депеши, посланныя по квитанціямъ, найденнымъ у князя Микеладзе, сданы на станцію имъ по просьбѣ Надьки. Содержанія депешъ онъ не помнитъ, но объ онѣ подписаны Аристарховой. Князь Микеладзе указалъ въ Одессѣ квартиры, гдѣ жили Иванъ Григорьевъ и Надька.

Депеши, сданныя на станцію Микеладзе, оказались именно тѣми, которыя были адресованы на имя Медвѣдевой въ Москву и Гельфманъ въ Кіевъ. Эксперты признали, что подлинныя депеши, доставленныя къ дознанію телеграфнымъ начальствомъ написаны рукою Надежды Субботиной.

По предъявленіи Надеждѣ Субботиной князю Микеладзе, онъ призналъ ее за ту самую Надьку, которую онъ зналъ въ Одессѣ.

По указаніямъ князя Микеладзе было дознано, что въ Одессѣ проживалъ неизвѣстный молодой человѣкъ, подъ именемъ Ивана Григорьева, скрывшійся съ квартиры 29 августа, т. е. немедленно послѣ ареста князя Микеладзе, бросивъ на квартирѣ свое бѣлье и не заплативъ хозяйкѣ за квартиру.

Съ другой стороны оказалось, что въ домѣ Тихонова, въ Одессѣ, указанномъ княземъ Микеладзе, жили двѣ женщины: одна подъ именемъ Махоткиной, а другая подъ именемъ Степановой. Обѣ онѣ выдавали себя за швей и 29 августа въ тотъ же день, когда скрылся Иванъ Григорьевъ съѣхали съ квартиры. Въ Степановой, какъ выше сказано, князь Микеладзе призналъ Надежду Субботину, а въ карточкѣ Ольги Любатовичъ, квартирная хозяйка признала Махоткину, жившую у ней съ Степановой.

Хоржевские отецъ и дочь признали въ Субботиной знакомую Александры Хоржевской, бывавшую у нихъ въ домѣ надъ именемъ Надежды.

Сверхъ того дознаніемъ вполнѣ доказано, что лѣтомъ 1874 года Надежда Субботина жила въ Орлѣ у жены губернскаго секретаря Погорельской вмѣстѣ съ Лидіею Фигнеръ.

Надежда Субботина при допросѣ категорически отказалась отъ всякаго знакомства съ княземъ Микеладзе и Хоржевскими.

Послѣ обыска въ 12 № гостинницы «Украйна» въ квартирѣ Гамрелидзе былъ задержанъ бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванъ Рождественскій. Въ карманѣ у него найдено было письмо на имя Ивана съ требованіемъ о высылкѣ разныхъ преступнаго содержанія книгъ какъ то: «Хитрая механика», «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и др.

Какъ оказалось Рождественскій пріѣхалъ въ тотъ же день въ Москву изъ Владикавказа и свое появленіе въ гостинницѣ объяснилъ тѣмъ, что адресъ гостинницы данъ ему какимъ-то неизвѣстнымъ господиномъ на желѣзной дорогѣ, а отобранное у него письмо вѣроятно кѣмъ либо ему дорогой подложено.

Въ имуществѣ Рождественскаго найдены книги изятыя изъ обращенія, а въ записной книжкѣ адресъ дома Эйнбродтъ съ замѣткою спросить «Рыжаго Іоселіани.»

Дознаніемъ обнаружено, что Рождественскій служилъ лекаремъ на ростовско-владикавказской желѣзной дорогѣ на станціяхъ Прохладной и Кубинской. Въ разговорахъ съ лицами своей среды Рождественскій нерѣдко высказывалъ, что система настоящаго правленія не достигаетъ своей цѣли, заставляя народъ нести тяжелый трудъ, и не давая ему возможности выдти изъ нищеты. Съ рабочими желѣзной дороги Рождественскій находился въ близкихъ отношеніяхъ и часто давалъ имъ читать книги. По показанію мѣстнаго фельдшера Григорія Гел. онъ самъ читалъ книгу данную ему Рождественскимъ, заглавія которой не помнитъ, но въ которой описывается страданіе народа отъ непосильнаго труда, а по удостовѣренію

крестьянина Акима Зойкина рабочіе при немъ читали книгу, полученную ими отъ Рождественскаго, въ которой разсказывалось о ссылкѣ въ Сибирь одного мужика за то что по изранію своего общества онъ подалъ на **помѣщика жалобу за взысканіе лишняго оброка.**

Ранѣе указано было, что вмѣстѣ съ обвиняемой Евгеніей Субботиной въ 12 № гостиницы «Украйна» прибылъ сынъ священника Михаилъ Павловъ Овчинниковъ. Слѣдуетъ припомнить, что записная книжка Овчинникова найдена была среди бумагъ въ квартирѣ администраціи общины въ домѣ Толстой. Часть рукописи преступнаго содержанія «сказка о мудрицѣ Наумовнѣ» написана рукою Овчинникова, что признаетъ и самъ Овчинниковъ. По показанію служителей гостиницы «Украина», Овчинниковъ часто посѣщалъ **квартиру Гамкрелидзе.**

Отказываясь отъ всякаго знакомства съ Гамкрелидзе, Кардашевымъ, Вѣрою Любатовичъ и кн. Цицишвили, Овчинниковъ показалъ, что съ Евгеніей Субботиной онъ случайно познакомился въ день его пріѣзда въ Москву на станціи желѣзной дороги и Субботина пригласила его вмѣстѣ ѣхать въ гостиницу «Украйна», гдѣ, по словамъ Субботиной, у нея есть знакомый. Между тѣмъ самъ Овчинниковъ показалъ, что онъ служилъ писаремъ въ Петербургѣ, въ Главномъ Штабѣ. Выйдя въ отставку, онъ, на средства своей любовницы, поѣхалъ лечиться въ Цюрихъ, откуда черезъ нѣсколько времени переселился въ Эйдкуненъ на русскую границу, гдѣ и прожилъ у какого-то еврея. Въ Эйдкуненъ онъ жилъ потому, что тамъ хорошій воздухъ. Возвратясь изъ за-границы, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, а жилъ своими собственными средствами. Будучи оставленъ на свободѣ, Овчинниковъ вслѣдъ затѣмъ былъ арестованъ по поводу подстрекательства сыдѣтеля Карпехина на преступную пропаганду, о чемъ будетъ **сказано ниже.**

Всѣ вышеназванныя лица, допрошенныя въ качествѣ обвиняемыхъ, кромѣ показаній въ подлежащихъ мѣстахъ настоящаго обвинительнаго акта указанныхъ, въ большинствѣ случаевъ уклонялись давать какія либо показанія, стараясь скрыть свои взаимныя сношенія, и упорно отказывались **отъ всякаго другъ съ другомъ знакомства.**

Между тѣмъ ихъ взаимная связь и принадлежность къ одному и тому же преступному сообществу, кромѣ обстоятельствъ дѣла, подробно изложенныхъ, доказывается общностью имущества, употребленіемъ условныхъ кличекъ и **шифровъ.**

Кромѣ пользованія каждымъ изъ обвиняемыхъ денежными средствами изъ общинныхъ суммъ, показаніями самихъ подсудимыхъ и ихъ взаимною перепискою, вполнѣ доказано, что всѣ необходимыя вещи, бѣлье, оружіе получалось пропагандистами отъ администраціи общества, всѣ заработанныя деньги вносились въ общую кассу. Наглядным доказательствомъ общности имущества служатъ осмотры бѣлья, найденнаго у разныхъ обвиняемыхъ. Изъ этихъ осмотровъ видно, что всѣ почти женщины носили бѣлье, принадлежащее всѣмъ имъ вмѣстѣ, а въ квартирѣ администраціи находился складъ бѣлья съ мѣтками всѣхъ обвиняемыхъ.

Затѣмъ программа общества предписываетъ членамъ его употребленіе кличекъ. Изъ изложеннаго видно, что клички дѣйствительно употреблялись между обвиняемыми. Здановичъ носилъ кличку—Рыжаго, князь Цицiановъ Санчо, Кардашевъ—Мавра, Вѣра Любатовичъ—Волченка, Вѣрки, Гамрелидзе—Гамки, Надежда Субботина—Надьки, Лидія Фигнеръ—Лидьки, Кикодзе—Кики. Эти клички извѣстны были всѣмъ обвиняемымъ и они употребляли ихъ въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ и перепискахъ. Такъ въ письмахъ Рыжаго (Здановича) и Любатовичъ къ ивановскимъ пропагандистамъ употреблены одни только клички, чѣмъ доказывается знаніе этихъ кличекъ членами ивановской общины. Кардашевъ употреблялъ эти же клички въ письмѣ къ Субботинымъ. Надежда и Евгенія Субботины сами употребляютъ въ письмахъ и телеграммахъ клички и подобное обстоятельство не можетъ не служить прямымъ доказательствомъ принадлежности лицъ, знающихъ клички, къ преступному сообществу.

Еще болѣе значеніе для обвиненія вышеназванныхъ лицъ въ принадлежности ихъ къ преступному сообществу служитъ употребленіе ими общихъ шифровъ для взаимной переписки. Единство шифровъ, употреблявшихся разными лицами въ разныхъ мѣстностяхъ не можетъ не служить прямымъ доказательствомъ принадлежности какъ писавшаго шифрованную записку, такъ равно и лица, которому она предназначалась къ одному и тому же сообществу, тѣмъ болѣе, что употребленіе шифровъ осуществляетъ собою въ дѣйствительности программу организаціи революціонныхъ общинъ, отобранную у Здановича, въ которой есть подробное указаніе на значеніе шифровъ, какъ способа сношеній между членами преступнаго сообщества.

1) Такъ въ бумагахъ Цвиленева, въ квартирѣ администраціи, былъ найденъ шифръ: «Чаще держать экзамены.» Этимъ шифромъ была ведена переписка администраціи съ Василіемъ Георгіевскимъ, во время нахожденія послѣдняго подъ стражей. Содержаніемъ писемъ доказано, что письма эти написаны Георгіевскимъ. Переводъ одного изъ этихъ писемъ сдѣланъ обвиняемой Екатериною Гамрелидзе, документы найдены въ квартирѣ администраціи.

2) Наиболѣе употреблявшійся между пропагандистами шифръ былъ найденъ и разобранъ по бумагамъ иваново-вознесенской общины. Шифромъ этимъ: «Эй Фомичъ. кубышкою владѣй» были написаны слѣдующія адресы. письма и записки:

а) Адресы—найденные въ Ивановѣ-Вознесенскѣ.

б) Письмо, найденное въ Иваново-Вознесенскѣ, за подписью «Твой Митрій", въ которомъ ивановскіе пропагандисты предупреждались о томъ, что къ нимъ направился сыщикъ.

в) Письмо, найденное въ квартирѣ администраціи и написанное Лидіей Фигнеръ, въ которомъ эта послѣдняя проситъ о высылкѣ копіи съ Волчанскаго паспорта.

г) Письмо отъ 3 августа Михаила Чекоидзе, переводъ котораго написанный Вѣрою Любатовичъ, найдено въ дорожной сумкѣ въ квартирѣ администраціи.

д) Два письма Кардашева: одно въ Орелъ—Субботинымъ, другое въ Одессу—Рыжему.

е) Двѣ записки, найденныя въ Иваново-Вознесенскѣ—списокъ книгъ и рецептъ какъ вытравлять чернила.

3) Послѣ ареста ивановской общины, когда: шифръ „Эй Фомичъ", сдѣлался уже извѣстнымъ, начали попадаться письма, писанныя шифромъ: „Эй подлецъ, негодная тварь". Этимъ шифромъ написаны:

а) Письмо кн. Циціановой на имя Елены Медвѣдевой.

б) Письмо отобранное у Ольги Любатовичъ въ Тулѣ.

в) Письмо написаное Надеждой Субботиной въ Кіевъ на имя Гельфманъ. въ которомъ требуется скорѣйшій пріѣздъ Рыжаго въ Москву, такъ какъ въ Москвѣ всѣ арестованы.

4) Шифромъ: „Быстро рѣшающіе задачи", написаны записки, писанныя Чекоидзе и Вѣрою Любатовичъ къ Рыжему, во время совмѣстнаго содержанія ихъ подъ стражей въ тюрьмѣ, а также и записка, брошенная и затѣмъ изорванная Алексѣемъ Нуромскимъ.

5) Обвиняемая Надежда Георгіевская желала передать своему брату записку, написанную по шифру: „Неумѣстно безпощадно грубіянить".

6) Шестой шифръ: „Юный цвѣтущій лѣсъ". употреблялся для сношеній арестованныхъ лицъ съ волей, администраціей. Этимъ шифромъ написаны найденныя въ квартирѣ Георгіевской и Введенской письма Гамкрелидзе и Здановича.

7) Посредствомъ седьмаго шифра „Привычки завсегда дѣлаются потребны", переписывались, содержась подъ стражей, обвиняемые Батюшкова и Цвиленевъ.

8) Обвиняемый Муромскій покушался черезъ дежурнаго мушкетера передать записку, написанную восьмымъ шифромъ:., Рубятъ цвѣтущій южный лѣсъ".

9) Шифръ „Бродяжникъ, Грѣховодникъ", найденный у Зановича, писанъ рукою кн. Цицiановой.

Кромѣ того найдено было у разныхъ лицъ еще семь шифровъ, но документовъ ими записанныхъ обнаружено не было.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что способъ употребленія шифровъ и написанія ими записокъ и писемъ былъ у всѣхъ обвиняемыхъ одинъ и тотъ же. Онъ состоялъ въ томъ, что составлялась табличка, раздѣленная продольными и поперечными линіями на 9 или 10 клѣтокъ. Въ этихъ клѣткахъ росписывалась фраза, составляющая шифръ, такъ, что въ каждую клѣтку приходилось по одной буквѣ. Каждый, какъ продольный, такъ и поперечный рядъ клѣтокъ обозначался цифрой, такъ что каждая клѣтка, а слѣдовательно и каждая находившаяся въ ней буква соотвѣтствовала двумъ цифрамъ: одной продольнаго ряда клѣтокъ, а другой—поперечнаго ряда.

Такимъ образомъ изъ перечисленныхъ шифровъ и документовъ ими написанныхъ видно, что обвиняемыя употребляли сами или имъ предназначались письма, писанныя условными и притомъ однообразно употребляемыми шифрами и это обстоятельство, какъ и было уже замѣчено выше, служитъ непосредственнымъ доказательствомъ принадлежности всѣхъ ихъ къ одному преступному сообществу.

Все вышеизложенное, доказывая существованіе преступнаго сообщества и нахожденіе администраціи общины въ Москвѣ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣ ареста обвиняемыхъ въ Москвѣ, въ домѣ Корсакъ, преступная пропаганда перенесена была главнымъ образомъ изъ Москвы въ губерніи. По крайней мѣрѣ дознаніемъ не обнаружено, чтобы въ самой Москвѣ члены сообщества дѣятельно занимались преступной пропагандой. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы члены сообщества, проживавшіе въ Москвѣ оставались бы вполнѣ бездѣятельны. Въ Москвѣ была сдѣлана попытка выслать на пропаганду свящ. Корнюхина и изъ Москвы же отправлены были книги преступнаго содержанія въ саратовскую губернію. Въ этомъ отношеніи дознаніемъ обнаружены слѣдующія данныя:

1) Въ августѣ 1875 г., въ Жандармское Управленіе явился крестьянинъ Андрей Степановъ Корнюхинъ и представляя три книги преступнаго содер-

жанія («Парижская коммуна», «Сказка о четырехъ братьяхъ» и «Хитрая механика») заявилъ, что 5 августа къ нему приходилъ нѣкто Григорій Сбромірскій вмѣстѣ съ крестьяниномъ Николаемъ Ѳедоровымъ. Сбромірскаго, Корнюхинъ зналъ ранѣе, такъ какъ братъ Корнюхина жилъ работникомъ въ переплетной мастерской Сбромірскаго. Среди разговора о жалованьи и заработкахъ, Сбромірскій обѣщалъ Корнюхину помѣстить его куда-то на должность слесаря съ жалованьемъ въ 25 р. въ мѣсяцъ и велѣлъ придти за этимъ къ себѣ на квартиру. 15 августа Корнюхинъ пришелъ къ Сбромірскому и засталъ у него того же Николая Ѳедорова. Отсюда втроемъ они отправились на лугъ близъ смоленскаго вокзала, куда вслѣдъ за ними пришли Иванъ Васильевъ Бариновъ и Михаилъ Овчинниковъ. Здѣсь всѣ четверо стали уговаривать Корнюхина ѣхать въ Орелъ или Тулу для того, чтобы поступить на фабрику и распространять среди рабочихъ книги преступнаго содержанія, за что обѣщали Корнюхину 25 р. жалованья въ мѣсяцъ. Видя нерѣшительность Корнюхина, Овчинниковъ доказывалъ ему, что боя ься нечего, что, въ случаѣ бѣды, товарищи его предупредятъ, выручатъ и у нихъ всегда можно скрыться, причемъ приводилъ въ примѣръ себя и разсказывалъ о задержаніи его въ гостиницѣ «Украйна» вмѣстѣ съ Субботиной. Когда Корнюхинъ согласился, то ему тутъ же переданы были представленныя имъ книги и на другой день велѣно явиться въ трактиръ близъ Сухаревой башни для полученія сапогъ, денегъ на дорогу и паспорта. Корнюхинъ долженъ былъ вслѣдъ затѣмъ отправиться въ Тулу.

На другой день, въ указанномъ Корнюхинымъ трактирѣ были задержаны Сбромірскій, Бариновъ, Овчинниковъ и Федоровъ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что самъ Корнюхинъ немедленно послѣ его заявленія и до ареста означенныхъ лицъ былъ задержанъ въ Жандармскомъ Управленіи.

Заявленіе Корнюхина нашло подтвержденіе, кромѣ ареста означенныхъ лицъ, въ томъ, что по показанію свидѣтеля Голубкина, у котораго живетъ братъ Корнюхина, Сбромірскій приходилъ разузнавать адресъ Андрея Корнюхина, а вслѣдъ затѣмъ этотъ послѣдній говорилъ свидѣтелю, что Овчинниковъ, Сбромірскій и Бариновъ посылаютъ его на пропаганду въ Тулу, а по показанію свидѣтеля Макарова въ тотъ день, о которомъ говоритъ Корнюхинъ, какой-то молодой человѣкъ заходилъ за Корнюхинымъ и увелъ его куда-то съ собой.

Изъ числа арестованныхъ въ трактирѣ лицъ, Николай Федоровъ оказался крестьяниномъ Цаномъ Тимофѣевымъ Смирновымъ, нынѣ уже сосланнымъ по другому дѣлу.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Сбромірскій, не отвергая того, что онъ былъ у Корнюхина, а затѣмъ со всѣми остальными на лугу у

смоленскаго вокзала, въ подговорѣ Корнюхина на пропаганду не сознался и утверждалъ, что разговоръ былъ самый обыкновенный и книгъ Корнюхину никто не передавалъ.

Овчинниковъ и Бариновъ съ своей стороны, не сознаваясь въ подговорѣ Корнюхина, утверждали, что на лугу они не были и свое присутствіе въ трактирѣ у Сухаревой башни объяснили простой случайностью.

Между тѣмъ связь этихъ лицъ съ остальными пропагандистами доказывается во первыхъ, участіемъ въ подговорѣ Корнюхина Овчинникова и Баринова, несомнѣнныхъ членовъ преступнаго сообщества, и запиской, написанной Смирновымъ во время содержанія его подъ стражей. Записка эта заключаетъ въ себѣ слѣдующія фразы, обращенныя къ арестантамъ: "желалъ бы знать, что дѣлается на волѣ, *есть ли кто изъ нашихъ, нужно бы кое что сообщить* . . . . конспирировать (по объясненію Смирнова шифровать, не умѣю, отвѣчайте также, но если нужно конспирируйте, навѣрное разберу.»

2) 1 августа 1875 г., Начальнику Саратовскаго Жандармскаго Управленія членами мѣстной полиціи было дано знать, что у нѣкоторыхъ бывшихъ воспитанниковъ Саратовской Духовной Семинаріи есть книги преступнаго содержанія.

По произведеннымъ обыскамъ дѣйствительно у Дмитрія Соколова и Александра Иванова были найдены: «Сказка о копѣйкѣ», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Пугачевъ», «Чтой-то братцы» и др. Показаніями какъ Соколова и Иванова, такъ и другихъ свидѣтелей вполнѣ доказано, что книги получены ими изъ квартиры коллежскаго регистратора Павла Трубецкаго при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ половинѣ іюля мѣсяца, въ г. Саратовѣ, въ квартиру Павла Трубецкаго пріѣхалъ сельскій учитель Александръ Виноградовъ и привезъ тюкъ съ книгами, прося передать книги брату Трубецкаго Александру Трубецкому. Разсмотрѣвъ книги и увидавъ что это книги запрещенныя, Павелъ Трубецкой велѣлъ сестрѣ своей сжечь ихъ, но оказалось, что сестра Марья Трубецкая и своячинца Елисавета Потапова не сожгли книгъ, а вечеромъ въ тотъ же день разсказали Иванову, Сулкову и Николаю Трубецкому о томъ, что у нихъ есть запрещенныя книги. Въ тотъ же вечеръ названныя выше лица, заинтересовавшись тѣмъ, что книги запрещенныя, пришли къ Трубецкому въ домъ и разобрали книгъ. Часть книгъ Ивановъ взялъ себѣ, то, что осталось—Павелъ Трубецкой на другой день сжегъ.

Сельскій учитель Виноградовъ, подтверждая вполнѣ ссылку на него Павла Трубецкаго, объяснилъ, что лѣтомъ 1875 г., въ село Алмазовъ-Ярь, гдѣ онъ, Виноградовъ, служитъ сельскимъ учителемъ, пріѣхалъ изъ Москвы

сынъ мѣстнаго священника Александръ Бѣляевскій, котораго Виноградовъ зналъ еще по семинаріи какъ своего товарища. Узнавъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, что Виноградовъ ѣдетъ въ Саратовъ, Бѣляевскій прислалъ къ нему на квартиру съ своимъ отцомъ священникомъ Бѣляевскимъ запитыя въ холстъ книги и просилъ передать этотъ тюкъ въ Саратовѣ Александру Трубецкому, а если его не застанетъ, то оставить у брата послѣдняго Павла Трубецкаго. Виноградовъ, не зная какія книги запечатаны въ холстъ, исполнилъ порученіе Бѣляевскаго. Показаніе Виноградова подтвердили какъ свидѣтели Зубовскій, такъ отецъ и сынъ Бѣляевскіе.

Вслѣдствіе такихъ показаній у Александра Бѣляевскаго былъ произведенъ обыскъ, по которому были найдены: «Сказка о копѣйкѣ», «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ», «Государственность и анархія», «Анархія по Прудону» и Программа работниковъ—Лассаля".

Привлеченный къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго бывшій студентъ Петровской Земледѣльческой Академіи Александръ Петровъ Бѣляевскій показалъ, что зимой 1874 г. и 1875 г. въ Петровской Академіи между студентами появились запрещенныя книги: „Исторія французскаго крестьянина," „Сказка о четырехъ братьяхъ", „Сборникъ пѣсенъ и стиховъ" и др. По поводу этихъ книгъ онъ, Бѣляевскій, съ товарищемъ своимъ Александромъ Трубецкимъ рѣшили распространять подобныя книги въ народѣ. Эта рѣшимость укрѣпилась еще болѣе подъ вліяніемъ частнаго учителя Льва Иванова, съ которымъ Бѣляевскій познакомился у кого-то изъ товарищей въ Академіи. Левъ Ивановъ, часто посѣщая Бѣляевскаго и Трубецкаго, говорилъ, что онъ, Ивановъ, можетъ снабжать ихъ революціонными книгами. На этомъ основаніи Трубецкой, уѣзжая въ іюнѣ мѣсяцѣ на каникулы въ саратовскую губернію, обратился къ Иванову съ просьбою дать ему книгъ и получилъ отъ Иванова разныя запрещенныя книги: „Сказку о копѣйкѣ", „Сказку о 4 братьяхъ", „Исторію французскаго крестьянина", „Сборникъ пѣсенъ и стиховъ и др). Всѣ эти книги при Иванові и Бѣляевскомъ были уложены въ чемоданъ Трубецкаго. Передъ отъѣздомъ самого Бѣляевскаго въ саратовскую же губернію, Левъ Ивановъ просилъ Бѣляевскаго отвезти еще книгъ Трубецкому, на что Бѣляевскій и согласился. Въ условленное время Бѣляевскій, для полученія книгъ, сошелся съ Ивановымъ въ Москвѣ на тверскомъ бульварѣ. Отсюда Ивановъ повелъ Бѣляевскаго на квартиру къ какой-то Батюшковой. Батюшковой, они не застали дома и остались ее ожидать. Черезъ нѣсколько времени, Батюшкова пришла и принесла съ собою завернутыя въ простынь книги, всего вѣсомъ около полупуда. Бѣляевскій, отнеся книги къ себѣ домой, простыню, въ которой они были завязаны, лично возвратилъ черезъ нѣсколько времени Батюшковой. Всѣ книги были запрещенныя и онъ, по пріѣздѣ въ саратовскую губернію, отправилъ ихъ черезъ Виноградова къ Трубецкому. Бѣляевскій еще въ Саратовѣ указалъ квартиру Льва Иванова.

Вслѣдствіе показанія Бѣляевскаго и Виноградова былъ произведенъ обыскъ въ домѣ матери Александра Трубецкаго и, среди книгъ ему принадлежащихъ, были найдены „Парижская коммуна" и „Сказка о четырехъ братьяхъ."

Сынъ священника, бывшій студентъ Петровской Академіи Александръ Егоровъ Трубецкой, не признавая себя виновнымъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, не подтвердилъ показанія Бѣляевскаго, отъ знакомства съ Львомъ Ивановымъ отказался и объяснилъ, что найденныя у него книги преступнаго содержанія получены имъ отъ умершаго товарища по Академіи Полякова.

Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости показаній Бѣляевскаго, ему, при дознаніи, было предъявлено 28 фотографическихъ карточекъ, въ числѣ которыхъ находились карточки Иванова и Батюшковой. Бѣляевскій, не колеблясь, узналъ ихъ и отдѣлилъ отъ прочихъ карточекъ, а по предъявленіи ему Иванова и Батюшковой призналъ ихъ за тѣхъ, о которыхъ даны имъ показанія.

Вслѣдъ затѣмъ Бѣляевскому предложено было указать въ Москвѣ квартиры Иванова и Батюшковой и онъ безошибочно указалъ ихъ квартиры, что сверхъ того подтвердилось справками въ домовыхъ книгахъ.

По произведеннымъ обысканъ въ квартирѣ Льва Иванова ничего предосудительнаго не найдено, а у Батюшковой найдено нѣсколько книгъ изъятыхъ изъ обращенія и 9 №№ заграничнаго изданія „Впередъ". Кромѣ того у Батюшковой отобрано: 1) рукопись—описаніе соціально-политической борьбы рабочихъ въ Германіи; 2) письмо подписанное „твой отецъ капуцынъ," въ которомъ авторъ письма проситъ устроить фиктивный бракъ и содержаніе котораго приведено уже ранѣе; 3) записка отъ имени Аркадскаго, личности, скрывшейся отъ дознанія, произведеннаго Генералъ—Лейтенантомъ Слезкинымъ подъ наблюденіемъ Прокурора Саратовской Судебной Палаты; 4) письмо съ неразборчивою подписью, очевидно касающееся распространенія книгъ преступнаго содержанія. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что „посылаю въ Москву кое-что изъ книгъ, но не знаю какое количество *тутъ необходимо*, а потому коли у барышень, которымъ я ихъ послалъ, будетъ и достаточно, то сообщите. Передайте барышнямъ, что недостающее количество № №-хъ, я перешлю съ скоро имѣющейся быть оказіей." Всѣ перечисленные документы были вынуты находившимся при обыскѣ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ изъ пріемника отхожаго мѣста, куда таковые были брошены тайкомъ Батюшковой, часть этихъ бумагъ была вырвана Батюшковой изъ рукъ жандарма и засунута ею себѣ въ ротъ съ цѣлію ихъ проглотить, но бумаги были у ней отобраны.

Во время обыска, въ квартирѣ Батюшковой, были задержаны обвиняемый Николай Федоровъ Цвилевъ, о которомъ сказано выше, дворянинъ Николай Аносовъ, проживавшій въ Москвѣ подъ именемъ и по виду отставнаго губернскаго секретаря Захарова. Аносовъ предается суду по дознанію, произведенному Генералъ-Лейтенантомъ Слезкинымъ.

Въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Батюшковой, найдены были двѣ четвертушки бумаги съ разными адресами въ Тулу, Вологду, вологодской губерніи, Москву, Иркутскъ, Уральскъ, Вятку, саратовской губерніи, терской области, курской губерніи, Кіевъ, Рязани, Смоленскъ и Вильну. Всѣ эти адресы принадлежатъ, очевидно, тѣмъ лицамъ, черезъ посредство которыхъ ведутся сношенія по преступной пропагандѣ. Въ этомъ убѣждаетъ: во 1-хъ, отказъ Батюшковой отъ знакомства съ этими лицами; во 2-хъ, нежеланіе ея объяснить откуда получены ею адресы; и въ 3-хъ, самые адреса. Такъ найдены адресы Окушко и Андреевскаго въ Вильнѣ. По справкамъ оказалось, что оба лица привлечены по обвиненію въ преступной пропагандѣ въ виленской губерніи; адресы Блинова, Щуравина, Грачева,—суть адресы лицъ, обвиняемыхъ по политическому дознанію, производящемуся въ вятской губерніи.

Дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвара Батюшкова и отставной штабсъ-капитанъ Левъ Ивановъ, не смотря на собранныя противъ нихъ улики, не признали себя виновными ни въ принадлежности къ преступному сообществу, ни въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, причемъ они отказались отъ взаимнаго между собою знакомства, а равно и отъ знакомства съ Бѣляевскимъ.

Между тѣмъ знакомство Батюшковой съ Ивановымъ вполнѣ доказано показаніемъ квартирной хозяйки, у которой жилъ Ивановъ, мѣщанки Домасюкъ. По предъявленіи фотографической карточки Батюшковой, въ числѣ другихъ карточекъ, Домасюкъ признала въ ней особу, посѣщавшую Иванова. Домасюкъ подтвердила свое показаніе и по предъявленіи ей самой Батюшковой.

Содержась подъ стражей въ Москвѣ въ сущевской части, Батюшкова передала бывшему жандармскому унтеръ-офицеру Буланову шифрованныя письма, для передачи обвиняемому Цвиленеву. Въ этихъ письмахъ Батюшкова сообщаетъ Цвиленеву и спрашиваетъ его совѣта о томъ: какъ ей отдѣлаться отъ показанія Бѣляевскаго. Предлагая свой планъ, она говоритъ: я отъ этого ничего не жду, а все какъ будто надо попытать. Затѣмъ Батюшкова сообщаетъ Цвиленеву свѣдѣнія о Чекотдзе, Джабадари, Петрѣ Алексѣевѣ, Георгіевскомъ, Бѣленской и Ольгѣ, какъ о лицахъ извѣстныхъ Цвиленеву, причемъ къ имени Ольги не присоединяетъ даже фамиліи Люба-

товичъ. Притомъ Батюшкова выражаетъ свое безпокойство о чемоданѣ Цвиленева. (Въ его чемоданѣ, въ квартирѣ администраціи, были найдены различныя бумаги, указанныя ранѣе сего). Она пишетъ: „а какъ меня мутилъ вашъ чемоданъ, все казалось я во всемъ виновата.“

Бывшій унтеръ-офицеръ Булановъ, приговоренный въ настоящее время къ арестантскимъ ротамъ за содѣйствіе арестантамъ въ ихъ тайныхъ между собою сношеніяхъ, подтвердилъ, что приведенныя выше письма написаны и переданы ему Батюшковой, а письма эти служатъ непосредственнымъ доказательствомъ принадлежности какъ Батюшковой, такъ и Цвиленева къ тому преступному сообществу, о которомъ произведено настоящее дознаніе.

Независимо отъ обстоятельствъ дѣла выше-изложенныхъ, дочь коллежскаго асессора Ольга Спиридонова Любатовичъ привлечена къ отвѣтственности за то, что лѣтомъ 1872 г., при возвращеніи изъ за-границы, тайно привезла въ Москву и Петербургъ письма отъ различныхъ лицъ, проживавшихъ за-границей, въ чемъ сама Ольга Любатовичъ признала себя виновною и уличается показаніями свидѣтельницъ Буренковой и Александровой.

По тщательному разсмотрѣнію и соображеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла оказывается, что произведенныя дознанія, начавшіяся весною 1875 года въ Москвѣ, а затѣмъ послѣдовательно производившіяся въ 1875 и 1876 г. во владимірской, саратовской губерніяхъ и городахъ Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, обнаружили несомнѣнное существованіе тайнаго организованнаго сообщества, задавшагося цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія и водворенія анархическихъ началъ въ русскомъ обществѣ. Это сообщество состояло первоначально изъ одного кружка лицъ и существовало въ Москвѣ. Создалось оно подъ руководствомъ и непосредственнымъ вліяніемъ лицъ, оставившихъ Россію, переселившихся за-границу, пріимущественно въ Швейцарію и возвратившихся обратно въ отечество съ единственною цѣлію заняться пропагандой революціонныхъ идей среди рабочаго класса Имперіи. Таковы обвиняемые: Здановичъ, Кардашевъ, Чекоидзе, Джабадари, князь Циціановъ, Бардина, Фигнеръ, Топоркова Александрова и сестры Субботины. Непуганные дознаніемъ, возникшемъ въ мартѣ 1875 г., причемъ многіе изъ названныхъ лицъ были арестованы, оставшіеся на свободѣ члены общества, перенесли свою практическую дѣятельность въ губерніи, разбились на отдѣльные кружки, называемые въ программѣ «общинами», и основали въ Москвѣ центральное управленіе общинами подъ именемъ администраціи. Обнаруженное дознаніемъ преступное

сообщество имѣло свой уставъ, точно исполняемый всѣми отдѣльными членами и кассу, имѣвшую въ своемъ распоряженіи капиталъ почти въ десять тысячъ рублей. Отдѣльныя общины образовались преимущественно въ большихъ городахъ Кіевѣ, Тулѣ, Одессѣ, Иваново-Вознесенскѣ,— гдѣ имѣются фабрики и заводы съ значительнымъ количествомъ рабочихъ и мастеровыхъ. Эти отдѣльныя общины имѣли назначеніе вести непосредственно дѣло пропаганды революціонныхъ идей, общая же связь между общинами и сношеніе съ другими революціонными общинами поддерживалась управленіемъ «администраціею» преступнаго сообщества. Преступная пропаганда—«работа», какъ говорятъ обвиняемые, лежала главнымъ образомъ на членахъ общинъ, именуемыхъ „рабочими". Члены общины, исполнявшіе обязанности рабочихъ, нанимались на фабрики, заводы и въ мастерскія подъ видомъ простолюдиновъ и, стараясь не отличаться ни по наружности, ни по образу жизни, костюму и привычкамъ отъ другихъ рабочихъ, входили въ сношеніе съ послѣдними, заводили съ ними знакомство, старались узнавать образъ мыслей, понятія и убѣжденія каждаго отдѣльнаго лица. Затѣмъ сообразно особенностямъ и индивидуальнымъ способностямъ того или другаго фабричнаго или мастероваго, начинали дѣйствовать въ смыслѣ революціонномъ, заводя прежде всего рѣчь о трудности жизни рабочаго, о недостаточной оплатѣ его труда, эксплоатаціи его со стороны фабрикантовъ и о возможности улучшенія положенія рабочихъ. Заинтересовавъ слушателей съ этой стороны, пропагандисты переходили къ указанію средствъ, которыми можно, по ихъ мнѣнію, достигнуть улучшенія быта рабочихъ. Приэтомъ рабочимъ толковалось, что земля принадлежитъ простому классу народа и должна быть раздѣлена между всѣми по ровну, что фабричный трудъ долженъ приносить пользу только однимъ рабочимъ и что для этого необходимо уничтожить власти, помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ и всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ. Объясненіе подобнаго рода оканчивались прямымъ возваніемъ къ уничтоженію существующаго порядка путемъ вооруженнаго возстанія всей массы народа противу Правительства и Царя. Словесная пропаганда революціонныхъ идей поддерживалась книжками преступнаго содержанія, которыя въ значительномъ количествѣ раздавались рабочимъ, читались и толковались имъ пропагандистами въ вышеуказанномъ направленіи.

Обязанности «администраціи», ясно очерченныя въ программѣ революціонной дѣятельности, приложенный къ дознанію, выполнялись членами, входившими въ ея составъ, вполнѣ согласно съ этой програмой и заключалась въ снабженіи пропагандистовъ всѣмъ необходимымъ:—адресами, книгами, деньгами, бѣльемъ, одеждой, фальшивыми паспортами, въ устройствѣ

квартиръ, въ передвиженіи членовъ «рабочихъ» изъ одной мѣстности въ другую, въ сношеніяхъ и организаціи побѣговъ арестованныхъ членовъ общества.

Хотя преступная дѣятельность членовъ сообщества и не была успѣшна, хотя повсемѣстно при первыхъ же попыткахъ дать болѣе широкое развитіе пропагандѣ революціонныхъ идей и книгъ, обвиняемые встрѣчались съ полнымъ несочувствіемъ къ идеямъ ими пропагандируемымъ рабочаго класса народа, несочувствіемъ, кончавшимся обыкновенно тѣмъ, что сами рабочіе выдавали полиціи пропагандистовъ—тѣмъ не менѣе имъ удалось сбить съ пути нѣсколькихъ весьма немногихъ рабочихъ и лицъ, принадлежащихъ къ одному съ ними сословію. Часть изъ этихъ лицъ примкнула къ пропагандистамъ и присоединилась къ преступному сообществу, сдѣлавшись членами сообщества. Другая часть, не вступая въ сообщество, въ качествѣ членовъ, но пользуясь книгами отъ обвиняемыхъ первой группы, старалась распространять эти книги среди простаго народа.

На основаніи вышеизложеннаго, всѣ обвиняемые по настоящему дѣлу, согласно съ падающимъ на каждаго изъ нихъ обвиненіемъ распредѣляются на слѣдующія группы:

1) Дворянинъ тифлисской губерніи **Иванъ Спиридоновъ Джабадари**, 22 лѣтъ; дворянинъ **Михаилъ Чекондзе**, 24 лѣтъ; сынъ штабсъ-капитана **Георгій Феликсовъ Здановичъ**, 26 лѣтъ; отставной коллежскій регистраторъ **Степанъ Мартыновъ Кардашевъ**, 25 лѣтъ; сынъ священника **Василій Григорьевъ Георгіевскій**, 25 лѣтъ; бывшій студентъ С.Петербургскаго Технологическаго Института **Александръ Осиповъ Лукашевичъ**, 22 лѣтъ, крестьянинъ московской губ., дмитровскаго уѣзда, деревни Высокой **Николай Васильевъ**, 30 лѣтъ; дворянка **Софія Илларіонова Бардина**, 22 лѣтъ; дворянка **Лидія Николаева Фигнеръ**, 21 года; потомственная почетная гражданка **Варвара Иванова Александрова**, 22 лѣтъ; именующая себя княгиней Циціановой, жена дворянина **Александра Сергѣева Кикодзе**, рожденная Хоржевская, 23 лѣтъ; дочери коллежскаго ассесора **Ольга Спиридонова**, 24 лѣтъ и **Вѣра Спиридонова Любатовичъ**, 21 года; крестьянинъ калужской губ., боровскаго уѣзда, д. Добриной **Иванъ Васильевъ Баринов**ъ; московскій мѣщанинъ **Семенъ Ивановъ Агановъ**; крестьянинъ смоленской губ., сыческаго уѣзда, дер. Новинской **Петръ Алексѣевъ**, 26 лѣтъ; крестьянинъ той же губерніи, уѣзда и деревни **Пафнутій Николаевъ**, 29 лѣтъ; крестьянинъ смоленской губ., гжатскаго уѣзда дер. Сычихи **Филатъ Егоровъ**, 23 лѣтъ; сынъ статскаго совѣтника **Владиміръ Петровъ Александровъ**, 20 лѣтъ; московская цеховая **Анна Григорьева Топоркова**, 21 года; жена дворянина **Екатерина Петрова Гамкрелидзе**, 21 года, рожденная Туманова; бывшій воспитанникъ Технологи-

ческаго Института **Иванъ Андреевъ Злобинъ**, 25 лѣтъ; крестьянинъ рязанской губ., пронскаго уѣзда **Иванъ Семеновъ Фетисовъ**, 24 лѣтъ; дворянинъ **Григорій Петровъ Сидорацкій**, 18 лѣтъ; крестьянинъ владимірской губ., суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго **Иванъ Ивановъ Едуковъ**, 24 лѣтъ; крестьянинъ той же деревни **Николай Ивановъ Едуковъ**, 25 лѣтъ; солдатскій сынъ **Василій Онуфріевъ Ковалевъ**, 21 года; тульскій мѣщанинъ **Иванъ Александровъ Кураковъ**, 36 лѣтъ; отставной подпоручикъ **Михаилъ Федоровъ Воронковъ** 25 лѣтъ; дворянинъ **Мартынъ Александровъ Млодецкій** 23 лѣтъ; техническій мастеръ 1 разряда кіевскаго артиллерійскаго полигона **Григорій Александровъ Александровъ**, 23 лѣтъ; мозырская мѣщанка **Геся Миронова Гельфманъ**, 22 лѣтъ; крестьянинъ кіевской губ. **Петръ Акимовъ Островъ**, 31 года; дворянинъ **Антимосъ Евдовъ Гамкрелидзе**, 23 лѣтъ; князь **Александръ Циціановъ**, 25 лѣтъ; дворянинъ **Николай Оедоровъ Цвиленевъ**, 23 лѣтъ; дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника **Варвара Николаева Батюшкова**, 25 лѣтъ; дочери штабсъ-капитана **Надежда Дмитріева Субботина**, 20 лѣтъ, **Евгенія Дмитріева Субботина** и **Марья Дмитріева Субботина**, 21 года; дочь титулярнаго совѣтника **Елена Петрова Медвѣдева**, 25 лѣтъ; дочь священника **Надежда Григорьева Георгіевская**, 18 лѣтъ; дочь священника **Екатерина Александрова Введенская**, 20 лѣтъ; студентъ с.-петербургскаго университета **Алексѣй Ивановъ Муромскій**, 21 года, и сынъ священника **Михаилъ Павловъ Овчинниковъ**, обвиняются въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлію въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ **отд. 2 ст. 250 улож. о наказ.**

2) Сверхъ того подсудимые **Джабадари, Чекондзе, Здановичъ, Кардашевъ, Лукашевичъ, Васильевъ, Бардина, Фигнеръ, Александрова, Кикодзе,** (княгиня **Циціанова-Хоржевская**), **Ольга и Вѣра Любатовичъ, Барановъ, Агаповъ, Алексѣевъ, Николаевъ, Егоровъ, Александровъ, Топоркова, Екатерина Гамкрелидзе, Фетисовъ, Ковалевъ, Сидорацкій, Воронковъ, Млодецкій, Александровъ, Антимосъ Гамкрелидзе,** князь **Циціановъ, Цвиленевъ, Батюшкова, Надежда Субботина и Овчинниковъ,**—обвиняются въ распространеніи печатныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлію возбудить къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной—въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ **ст. 251 улож. о наказ.**

3) Въ томъ же преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст 251 улож. о наказ. обвиняются и тѣ лица, которыя, не принадлежа къ составу преступнаго сообщества, тѣмъ не менѣе получали отъ членовъ того сообщества и распространяли книги, имѣвшія цѣлію возбужденія къ явному неповиновенію Власти Верховной. Таковы: студентъ с.-петербургской медико-хирурги-

ческой академіи **Иванъ Рождественскій**, 30 лѣтъ; отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи **Левъ Андреевъ Ивановъ**; потомственный почетный гражданинъ **Григорій Алексѣевъ Сбромірскій**, 27 лѣтъ; бывшіе студенты петровской земледѣльческой академіи **Александръ Петровъ Бѣляевскій**, 20 лѣтъ, **и Александръ Егоровъ Трубецкой**, 19 лѣтъ.

4) независимо отъ вышеизложеннаго обвиняемые князь **Александръ Циціановъ и** дочь коллежскаго ассесора **Вѣра Любатовичъ** обвиняются въ томъ, что во время обыска въ квиртирѣ дворянина Гамкрелидзе съ цѣлію лишить жизни прапорщика Ловягина и помощника квартальнаго надзирателя Ѳедорова, первый изъ нихъ сдѣлалъ по Ловягину два выстрѣла изъ револьвера, а вторая душила руками Ѳедорова, но намѣренія своего привести въ исполненіе не успѣли, такъ какъ князь Циціановъ промахнулся, а Вѣра Любатовичъ была удержана бывшими при обыскѣ свидѣтелями. Преступныя дѣянія, въ совершеніи которыхъ, обвиняются князь Циціановъ и Вѣра Любатовичъ, предусмотрѣны ст. 114 и 1455 **улож. о наказ.**

5) наконецъ дочь коллежскаго ассесора Ольга Любатовичъ, обвиняется въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 1126 ул. о нак.

А потому всѣ вышеозначенные обвиняемые, согласно § 2 закона 7 іюня 1872 года предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, учрежденнаго, для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Составленъ въ С.-Петербургѣ. Ноября 30 дня 1876 года. Подлинный подписалъ исправляющій должность Товарища Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената Жуковъ.